

СТИВЕН
* ФРАЙ *
ГЕРОИ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
И ЧУДОВИЩА
□ □ □ □ □ □ □ □
□ ПОИСКИ И □
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Стивен Фрай

**Герои. Человечество и чудовища.
Поиски и приключения**

«Фантом Пресс»

2018

УДК 84-9/-9
ББК 82.3(3)

Фрай С.

Герои. Человечество и чудовища. Поиски и приключения /
С. Фрай — «Фантом Пресс», 2018

ISBN 978-5-86471-818-6

Вторая книга античного цикла Стивена Фрая. В ней речь пойдет о героях и их подвигах. Фрай блестяще пересказывает драматические, смешные, трагические истории. Ясон и Геракл, Персей и Орфей, Эдип и Беллерофонт. Загадки, погони, сражения, головоломки, убийства и спасения. «Герои» – это истории о тех невероятных подвигах, глупостях, актах отчаяния и храбрости, на которые мы, смертные, способны, только если уж очень припечет.

УДК 84-9/-9

ББК 82.3(3)

ISBN 978-5-86471-818-6

© Фрай С., 2018
© Фантом Пресс, 2018

Содержание

Предисловие	6
Вступление	8
Греза Геры	10
Персей	11
Золотой дождь	11
Деревянный сундук	13
Двое незнакомцев в дубовой роще	18
Грайи	23
Остров горгон	25
Андромеда и Кассиопея	27
Возвращение на Серифос	30
Геракл	33
Род Персея	33
Змеюшки светы	37
Юность героя и его образование	39
Преступление и наказание	41
Подвиги[37] Геракла	43
1. Немейский лев	43
2. Лернейская гидра	44
3. Керинейская лань	45
4. Эриманфский вепрь	46
5. Авгиевы конюшни[46]	47
6. Стимфалийские птицы	48
7. Критский бык	49
8. Кобылицы Диомеда	50
9. Пояс Ипполиты	54
10. Скот Гериона	57
11. Золотые яблоки гесперид	60
12. Кербер	66
После подвигов: преступления и обиды	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Стивен Фрай

Герои: Человечество и чудовища.

Поиски и приключения

Stephen Fry

Heroes: Mortals and Monsters, Quests and Adventures

Heroes: Mortals and Monsters, Quests and Adventures

Copyright: © 2018 by Stephen Fry

© Ш. Мартынова, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© «Фантом Пресс», издание, 2019

Всем героям, о каких мы никогда не слыхали.

Возможно, вы – один из них.

Предисловие

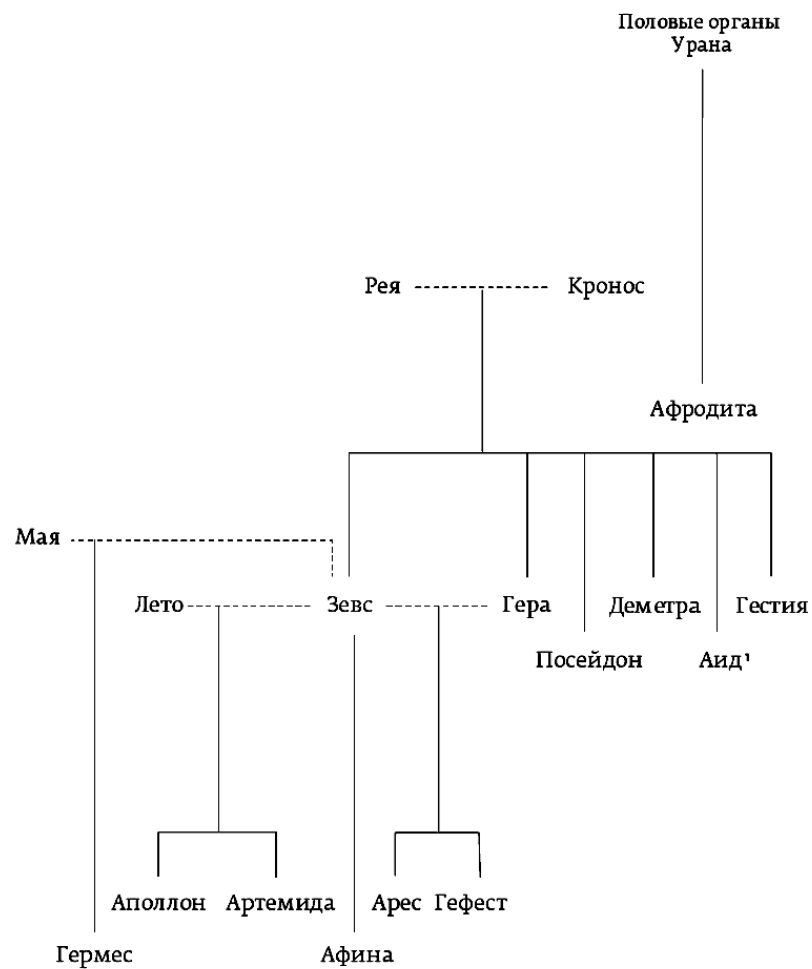
«Героев» можно считать продолжением книги «Миф», где я изложил историю начала всего на свете, рождения титанов и богов и сотворения человечества. Чтобы разобраться в книге «Герои» – и, надеюсь, получить от нее удовольствие, – читать «Миф» необязательно, однако многие сноски отошлют вас к изданию «Мифа», то есть к соответствующим страницам в нем и к историям, персонажам и мифическим событиям, изложенным в предыдущей книге, где с ними можно познакомиться во всех подробностях. Некоторым кажется, что сноски отвлекают, однако многие читатели сообщили мне, что в первой книге им постраничные примечания понравились, а потому, надеюсь, под настроение и с удовольствием вы в них разберетесь и здесь.

Да-да, некоторые греческие имена способны заморочить голову не на шутку – все эти дилеммы: «К» или «С», «Ф» или «Т», нужны в конце «-ОС», или «-ИС», или «ЕС» – или нет. Современных греков ошеломит, что мы вытворяем с их чудесными именами, а немецкие, французские, американские и другие читатели от предложенных мною вариантов растеряются. Но это именно варианты, не более... нравится вам Тефида или Тефия, Танатос или Танат, Тесей или Тезей, – персонажи и их истории от этого не меняются.

Мир греческих героев

Олимпийцы

Строго говоря, Аид не олимпиец – он безвылазно жил в подземном мире.
– Здесь и далее примечания автора, кроме случаев, оговоренных особо.

Вступление

Зевс восседает на троне. Повелевает небесами и миром под ними. Зевсом повелевает его сестра-супруга ГЕРА. Обязанности и владения в смертном мире поделены между родней Зевса, остальными десятью олимпийцами. В первые годы богов и людей божественные создания ходили по земле наравне со смертными, дружили и спаривались с ними, пожирали их, наказывали и мучили, превращали их в цветы, деревья, птиц и жуков и всеми способами взаимодействовали, встречали, переплетались, возились с нами, внедрялись к нам и вмешивались в наши дела. Но век сменялся веком, человечество взрослело и преуспевало, и пыл этих взаимоотношений постепенно пригас.

В эпоху, какая наступила для нас нынче, боги по-прежнему все еще очень даже рядом с нами, они милуют, отвергают, благословляют и баламутят, но ПРОМЕТЕЕВ дар огня наделил человечество способностью вести свои дела самостоятельно, строить непохожие друг на друга города-государства, царства и династии. Огонь в мире – настоящий, горячий, он дал человечеству возможность плавить, ковать, изготавливать и создавать, но это еще и внутренний огонь: благодаря Прометею мы теперь одарены божественной искрой, пламенем творчества, сознанием, которое раньше принадлежало лишь богам.

Золотой век переродился в Эпоху героев – тех мужчин и женщин, кто берет собственную судьбу в свои руки, отвагой, хитростью, дерзостью, прытью и силой совершает поражающие воображение подвиги, изгоняет ужасных чудищ и порождает великие культуры и династии, меняющие мир. Божественный огонь, украденный с небес их заступником Прометеем, горит в героях. Они боятся и чтут родителей-богов, поклоняются им, но где-то внутри знают, что богам они равня. Человечество вступило в пору своего юношества.

Сам Прометей – титан, создавший нас, наш друг и заступник – все еще претерпевает назначенную ему кошмарную кару: он прикован к скале, и каждый день его навещает хищная птица – слетает с Солнца и раздирает Прометею бок, добывает печень и жрет ее на глазах у мученика. Поскольку Прометей бессмертен, печень за ночь восстанавливается, и назавтра попытка повторяется. И так день за днем.

Прометей, чье имя означает «предусмотрительный», предрек, что теперь, когда огонь пришел в людской мир, дни богов сочтены. Ярость Зевса на ослушание друга происходит в равной мере из потаенного неотвязного страха, что человек перерастет богов, и из глубокой раны предательства.

Прометей провидел и то, что настанет час – и придет свобода. Явится к скале некий смертный герой, сокрушит оковы Прометея и освободит титана. И вместе они спасут олимпийцев.

Но с чего это богов вдруг нужно спасать?

Глубокая обида тлеет под землей сотни поколений подряд. Когда титан КРОНОС оскотил отца, первородного бога неба УРАНА, и зашвырнул его гениталии через всю Грецию, из упавших капель крови и семени возник народ гигантов. Эти «хтонические» существа, эти создания, восставшие из земли, верили, что придет время – и они смогут отнять власть у этих выскочек, детишек Кроноса, олимпийских богов. Гиганты ждут дня, когда восстанут они, завоюют Олимп и начнется их время.

Прометей шурится на солнце и тоже ждет своего часа.

Человечество же между тем занято, как обычно, смертными своими делами – тужится, мается, живет, любит и умирает в мире, по-прежнему населенном более-менее благожелательными нимфами, фавнами, сатирами и другими духами морей, рек, гор, лугов, лесов и полей, но и изобилующем змеями и драконами; многие из них – потомки первородной ГЕИ, богини земли, и ТАРТАРА, бога подземных недр. Их отпрыски, чудища ЕХИДНА и ТИФОН, напло-

дили множество ядовитых тварей-мутантов, что безобразничают на суше и в океане, а люди пытаются их укрощать.

Чтобы выжить в этом мире, смертным приходится поклоняться богам и верить себя их воле, жертвовать им и льстить, воспевать их и молиться им. Но некоторые мужчины и женщины начинают полагаться на собственные силы и смекалку. Эти мужчины и женщины – с помощью богов или без нее – пытаются сделать мир безопаснее для человеческого процветания. Речь о героях.

Греза Геры

Завтрак на горе Олимп. Зевс сидит во главе длинного каменного стола, попивает нектар и размышляет о грядущем дне. Неспешно подтягиваются и рассаживаются по своим местам остальные олимпийские боги и богини. Наконец объявляется Гера, садится у противоположного от супруга конца стола. Лицо у Геры раздумялось, волосы всклокочены. Зевс вскидывает удивленный взгляд.

– За все годы, сколько я тебя знаю, ты ни разу не опоздала к завтраку. Ни разу.

– Что верно, то верно, – отзывается Гера. – Прими мои извинения, но я плохо спала, сама не своя. Тревожный сон привиделся. Весьма тревожный. Желаешь послушать?

– Разумеется, – врет Зевс: ему, как и любому из нас, выслушивать подробности чужого сна – чистый ужас.

– Мне приснилось, что на нас напали, – говорит Гера. – Здесь, на Олимпе. Гиганты восстали, вскарабкались на нашу гору и бросились на нас.

– Ой-ёй...

– Все было *всерьез*, Зевс. Их целый народ, они вопили и перли на нас. А твои молнии отскакивали от них без всякого вреда, будто сосновые иголки. Вожак гигантов, самый громадный и сильный, ринулся на меня и попытался... попытался... навязать себя.

– Поди ж ты, какое расстройство, – говорит Зевс. – Но все-таки лишь сон.

– Ой ли? Сон ли? Все было так отчетливо. Такое чувство, что, скорее, видение. Может, пророчество. У меня такое уже случалось. Сам знаешь.

И правда. С Гериной ролью богини брака, семьи, приличий и порядка легко забыть, что она к тому же наделена могучим пророческим даром.

– Как все кончилось?

– Странно. Нас спас твой друг Прометей и...

– Он мне *не* друг, – обрывает ее Зевс. Любые упоминания Прометея на Олимпе запрещены. Зевсу имя его когда-то любезного друга – что лимонный сок на царапину.

– Воля твоя, дорогой, я лишь сообщаю тебе, что мне снилось, что я видела. Знаешь, странно вот что: с Прометеем был какой-то смертный. И как раз этот смертный и стащил с меня гиганта, сбросил его с Олимпа и спас всех нас.

– Смертный, говоришь?

– Да. Человек. Смертный герой. И во сне мне было ясно – не знаю, как или почему, – но ясно, совершенно ясно, что это потомок Персея.

– Персея, говоришь?

– Персея. Никаких сомнений. У твоего локтя нектар стоит, дорогой...¹

Зевс передает ей склянку.

Персей.

Давненько не слышал Зевс это имя.

Персей...

¹ Отсылка к скетчу «Джем» из юмористической телепрограммы «Немного Фрая и Лори» (Би-би-си, 1989–1995) с похожей мизансценой с участием Хью Лори (дама) и Стивена Фрая (муж дамы); вместо нектара – джем. – *Примеч. перев.*

Персей

Золотой дождь

Владыка Аргоса² Акрасий, не родив ни единого мужского наследника на царство, обратился с вопросом к Дельфийскому оракулу: как и когда возникнет наследник? Ответ жрицы встревожил Акрасия не на шутку:

У царя Акрасия не будет сыновей, но внук его убьет его.

Акрасий обожал дочь ДАНАЮ, свое единственное дитя, но жизнь любил еще больше. Из слов оракула следовало, что Акрасию необходимо сделать все возможное, чтобы никакой половозрелый мужчина к Данае даже не приближался. Запертую в сверкающем неприступном узилище Данаю осыпали любыми земными благами и окружали любыми спутницами женского пола, каких она только пожелает. В конце концов, говорил себе Акрасий, сердце-то у него не камень.

Царь запер бронзовые покои³ от любых вторжений, но не учел похоть всевидящего, всеизощренного Зевса, чей взор пал на Данаю, и олимпиец уже размышлял, как бы проникнуть в запечатанные покои и насладиться. Зевсу нравились препятствия. В своей долгой любовной биографии царь богов, гоняясь за желанными самками, а иногда и самцами, превращался во всевозможные причудливые предметы. Зевс понимал: чтобы завладеть Данаей, ему придется придумать что-нибудь получше всяких обычных быков, медведей, вепрей, жеребцов, орлов, оленей и львов. Тут понадобится нечто чуть более диковинное...

Однажды ночью сквозь узкую щель слухового окна просочился золотой ливень, пал на бедра Данаи и проник в нее⁴. Может, и нетрадиционный это вариант соития, но Даная забеременела, в свой срок при помощи верных девушек-служанок родила здорового смертного мальчика и назвала его ПЕРСЕЕМ.

Помимо крепкого здоровья, как и положено смертному младенцу, Персей оказался наделен парой могучих легких, и как бы Даная и ее помощницы ни пытались, подавить вопли и крики младенца им не удалось, шум проник сквозь бронзовые стены узилища – и достиг ушей отца Данаи двумя этажами выше.

Страшна была ярость Акрасия, увидевшего внука.

– Кто посмел пробраться в твои покои? Назови его имя, и его оскопят, замучают и удавят его же кишками.

– Отец, похоже, ко мне сошел сам Владыка Неба.

– Ты хочешь сказать, – кто-нибудь, заткните ребенка! – что это был Зевс?

– Не стану врать, отец, это он.

– Да уж конечно. Небось братец какой-нибудь клятой служанки из твоих, а?

– Нет, отец, было, как я сказала. Зевс.

– Если этот паршивец не перестанет вопить, я удавлю его подушкой.

² Один из важнейших греческих городов-государств. Наименование жителей этого города – аргосцы – Гомер зачастую употреблял попросту в значении «греки». Филипп II и его сын Александр Великий, пусть и македонцы, происходили, по легенде, из Аргоса.

³ Древнеримский поэт Гораций в «Одах» заменил бронзовые покои на бронзовую башню, и с тех пор ее часто представляют эдаким минаретом из сказки про Рапунцель. Более ранние источники, однако, настаивают, что это были покои со щелями в крыше – для света и воздуха.

⁴ Получила ли сама Даная удовольствие, нам неизвестно. Есть, говорят, такие, кому перспектива золотого дождя в целом... ну... скажем так...

– Он просто голоден, – сказала Даная, прикладывая Персея к груди.

Акрисий лихорадочно размышлял. Несмотря ни на какие разговоры о подушке, царь понимал, что нет страшнее проступка, чем убийство кровника. Если прикончит родственника, из загробного мира явятся эринии и будут гнать его до самого края земли, жечь железными кнутами, пока не освежат заживо. Не оставят его, пока не сведут с ума. И все же пророчество оракула означало, что позволить внуку выжить нельзя. А что, если?...

Следующей ночью, пока не видят болтливые горожане, Акрисий запер Даная и младенца Персея в деревянном сундуке. Солдаты заколотили крышку и швырнули сундук со скалы в море.

– Вот так, – сказал Акрисий, отряхивая руки, словно снимая с себя всякую ответственность. – Если сгинут – а сгинут-то они точно, – никто не скажет, что это напрямую из-за меня. Море виновато, скалы и акулы. Виноваты боги. Я ни при чем.

И с этими лукавыми словами самоутешения хоре Акрисий проводил взглядом сундук, прыгающий по волнам.

Деревянный сундук

Брошенный в бурные волны морские деревянный сундук било и швыряло от острова к острову, от берега к берегу, однако ни о скалы не расколотило, ни на мягкий песок в целостности и сохранности не вынесло.

Во тьме сундука Даная кормила ребенка и ждала, когда настанет им конец. На второй день их тяжелого бурного странствия Даная ощутила могучий рывок, а затем устрашающий удар. Через несколько мгновений неподвижности она услышала, как крышка сундука скрипнула и сдвинулась. Внутри тут же прорвался свет, а с ним – сильный запах рыбы и вопли чаек.

– Так-так, – произнес приветливый голос. – Ну и улов!

Сундук попал в рыбацкие сети. Заговоривший подал Данае сильную руку и помог выбраться из сундука.

– Не бойся, – сказал он, хотя, по правде говоря, испугался сам. Что это все значит? – Меня зовут Диктис⁵, а это моя команда. Мы тебя не обидим.

Остальные рыбаки столпились вокруг, застенчиво улыбаясь, но Диктис отпихнул их подальше.

– Не напирайте на госпожу. Не видите, что ли, она утомилась? Хлеба и вина давайте.

Через два дня они пристали к Серифосу, родному острову Диктиса. Он отвел Данаю с Персеем в свой маленький домик за дюнами.

– Жена моя умерла родами сына, а потому Посейдон, может, послал вас мне взамен – не в том смысле, что... – поспешно добавил он, смутившись. – Я, конечно же, не жду... Никаких требований к тебе как...

Даная рассмеялась. Неподдельная доброта и простота – как раз в таких условиях она и хотела растить своего ребенка. Ей самой в жизни очень не хватало бесхитростной благожелательности.

– Ты так добр, – сказала она. – Мы принимаем твоё предложение, правда, Персей?

– Да, мама, пусть будет по-твоему.

Нет, это не Чудо Говорящего Младенца. На Серифосе миновало семнадцать лет. Персей вырос в красивого и сильного юношу. Спасибо приемному отцу Диктису, Персей – уверенный и умелый рыбак. Стоя в лодке в беспокойном море, он способен попасть острогой в стремительную рыбу-меч и выхватить пальцами форель из быстрых вод ручья. Бегаёт он проворнее, бросает дальше и прыгает выше, чем любой юнец на Серифосе. Борется врукопашную, объезжает диких мулов, умеет доить коров и укрощать быков. Он порывист, временами немного хвастлив, но Даная вправе гордиться им и считать лучшим и самым храбрым мальчиком на острове.

Непритязательность обиталища Диктиса показалась Данае тем более примечательной, когда узнала она, что этот скромный рыбак – брат ПОЛИДЕКТА, царя Серифоса. Владыка острова – гордый, жестокий, бесчестный, жадный, похотливый, безудержный и капризный – был воплощением всего, чего у Диктиса не было. Поначалу он почти не обращал внимания на гостью Диктиса. Однако с годами его черное сердце все сильнее бередила тяга к красавице-матери того юнца, того дерзкого мальчишки.

Чутье подсказало Персею самый раздражающий способ вклиниваться между матерью и царем. Полидект завел привычку заявляться в гости, когда брата наверняка нет дома, но всякий раз гадкий Персей тут как тут:

– Мама, мама, ты не видела мои беговые сандалии?... Мама, мама! Пошли к скалам, засеки, сколько у меня получится не дышать под водой.

⁵ Что попросту означает «сеть».

Ох до чего же раздражало.

Наконец Полидект придумал, как отослать Персея подальше. Он воспользуется тщеславием юнца, его гордостью и бахвальством.

Всем юношам на острове разослали приглашения во дворец на пир в честь решения Полидекта просить руки ГИППОДАМИИ, дочери царя ЭНОМАЯ из Писы⁶. Смелый и неожиданный жест. Так же, как оракул предрек царю Акрисию Аргосскому смерть от руки внука, сказано было Эномаю, что погибнуть ему от руки зятя. Чтобы не допустить замужества дочери, любому, кто дерзал просить ее руки, Эномай предлагал состязаться в гонке на колесницах: проигравший расстанется с жизнью. Эномай был в тех краях лучшим колесничим – больше десятка голов юношей, надеявшихся на лучшее, украшали деревянные штыри, что окружали поле гонок. Гипподамия была очень красива, Писа – очень богата, и соискатели не переводились.

О том, что Полидект решил потрянуть стариной, Даная узнала с восторгом. Ей уже давно доучало его присутствие, а от неожиданной новости, что сердце Полидекта принадлежит другой, Данае стало легче. До чего великодушно это – позвать ее сына на пир и тем самым показать, что царь не держит обид.

– Это честь – такое приглашение, – сказала она Персею. – Не забудь вежливо поблагодарить царя. Не пей много и постарайся не разговаривать с набитым ртом.

Полидект усадил юного Персея на почетное место по правую руку от себя и все подливал да подливал ему крепкого вина. Поймал юношу на крючок и выводил его, как Персей играл бы с рыбой.

– Да, эта гонка на колесницах уж точно будет не из легких, – сказал он. – Но лучшие семьи Серифоса пообещали мне по лошади. Можно ли просить тебя и твою мать?...

Персей вспыхнул. Его нищета – вечный источник неловкости. У всех юношей, с кем он состязался в спорте, с кем устраивал рукопашные бои, охотился и гонялся за девчонками, были слуги и конюшни. А Персей по-прежнему жил в каменной рыбацкой лачуге за дюнами. У его дружка Пирро имелся раб, которому надлежало обмахивать хозяина опахалом в жаркие ночи. Персей спал под открытым небом на песке, и уж скорее ущипнет его клешней краб и тем разбудит, нежели служанка с кружкой свежего молока.

– У меня, вообще говоря, нет лошадей как таковых, – промолвил Персей.

– Лошадей как таковых? Не знаю, известно ли мне, что такое «лошадь как таковая».

– Я ничем, вообще говоря, не владею, кроме одежды, которая на мне. О, у меня есть коллекция ракушек, говорят, они однажды могут значительно вырасти в цене.

– Ох батюшки. Ох батюшки. Вполне понимаю. Конечно же. – Сочувственная улыбка ранила Персея глубже любой кривой ухмылки. – С моей стороны это чересчур – рассчитывать на твою помощь.

– Но я хочу тебе помочь! – воскликнул Персей чуть громче необходимого. – Все, что могу, я сделаю. Скажи что.

– Правда? Ну, есть одно дело, но...

– Какое?

– Нет-нет, это уж слишком.

– Скажи мне, что это...

– Я всегда надеялся, что однажды кто-нибудь добудет мне... но как тут просить тебя, ты же еще мальчик.

Персей грохнул по столу кулаком.

⁶ Не итальянская Пиза Наклонной Башни, а город-государство на северо-западе Пелопоннеса. Последствия борьбы за руку Гипподамии множились вплоть до конца мифической эпохи и до времен после Троянской войны. Однако эти подробности – в другой раз и в другом месте.

- Добудет тебе – что? Только скажи. Я силен. Я смел. Я находчив, я...
- ...немножко пьян.
- Я знаю, о чем говорю... – Персей шатко встал и произнес так, чтобы все в зале услышали: – Скажи мне, чего ты желаешь, мой царь, и я добуду это. Скажи.
- Что ж, – проговорил Полидект, горестно и обреченно пожимая плечами, как человек, загнанный в угол. – Раз уж юный герой настаивает, есть кое-что вечно желанное для меня. Добудешь ли ты голову МЕДУЗЫ?
- Да запросто, – отозвался Персей. – Голову Медузы? Считаю, она у тебя.
- Правда? Не шутишь?
- Клянусь бородой Зевса.
- Чуть погода Персей, спотыкаясь, добрел через пески к дому; мать уже ждала его.
- Ты припозднился, солнышко.
- Мам, а что за Медуза такая?
- Персей, ты пил?
- Может, и пил. Бокал всего-то.
- Икал без счета – вот что мне слышно.
- Нет, ну правда, какая такая Медуза?
- А тебе зачем?
- Да имя уловил и задумался.
- Если перестанешь метаться туда-сюда, как лев в клетке, и сядешь, я тебе объясню, – сказала Даная. – Медуза, по слухам, была юной красавицей, которую уестествовил морской бог Посейдон⁷.
- Уестествовил?
- К несчастью, это произошло на пороге храма богини Афины. Она так рассердилась на это святотатство, что покарала Медузу.
- А Посейдона не покарала?
- Боги друг друга не карают – во всяком случае, такое бывает редко. Они карают нас.
- И как же Афина покарала Медузу?
- Она превратила ее в горгону.
- Ну и ну, – проговорил Персей, – а что такое «горгона»?
- Горгона – это... Ну, горгона – ужасное чудище, у нее клыки, как у вепря, бритвенно острые когти из меди и ядовитые змеи вместо волос.
- Да ты что!
- Так говорят.
- А что такое «уестествовил» все же?
- Веди себя прилично, – сказала Даная, шлепнув сына по руке. – На всем белом свете есть еще два таких же чудища, как она, – Стено и Эвриала, но они родились горгонами. Они бессмертные дочери древних морских божеств – Форкия и Кето.
- А эта Медуза тоже бессмертная?
- Вряд ли. Она же была когда-то смертной...
- Точно... и если... ну, допустим... кто-то собрался отыс-кать ее?
- Даная рассмеялась.
- Глупец этот человек. Горгоны живут вместе где-то на острове. У Медузы есть одно особое оружие – оно жутче даже ее волос-змей, ее клыков и когтей.
- И что же это за оружие?
- Один ее взгляд превращает тебя в камень.

⁷ В описании горгон в «Мифе» не упоминается версия появления Медузы как смертной горгоны. Существует, конечно же, много разных вариантов. История, которую Даная излагает Персею, возможно, самая распространенная.

– В смысле?

– В смысле, что, если вы встретитесь с ней взглядами хоть на миг, ты окаменеешь.

– От ужаса?

– Нет, окаменеешь – превратишься в камень. Застынешь навеки. Как статуя.

Персей поскреб подбородок.

– Ой. Так вот *что такое* Медуза? Я как-то надеялся, что она окажется какой-нибудь исполинской курицей – ну или свиньей.

– А тебе это все зачем?

– Ну, я вроде как пообещал Полидекту, что принесу ему ее голову.

– Ты... *что?*

– Ему нужна была лошадь, понимаешь, и как-то речь зашла об этой Медузе, и я возьми да скажи, что добуду царю Медузину голову.

– Ты завтра же поутру вернешься во дворец и скажешь Полидекту, что ничего такого делать не будешь.

– Но...

– Никаких «но». Я запрещаю безоговорочно. О чем он вообще думал? Неслыханно. Так, давай-ка ложись, проспись от выпитого. На будущее: не больше двух чаш за вечер, ясно тебе?

– Да, мама.

Персей убрался в постель, как было велено, однако проснулся в бунтарском настроении.

– Я *уеду с острова и найду* эту Медузу, – заявил он за завтраком и, что бы Даная ни говорила, стоял на своем. – Я дал слово при всех. Это вопрос чести. Я уже дорос, чтобы странствовать. Искать приключений. Ты же знаешь, какой я шустрый и сильный. Какой хитрый и находчивый. Мне нечего бояться.

– Потолкуй ты с ним, Диктис, – отчаявшись, сказала Даная.

Диктис с Персеем гуляли по пляжу почти все утро. Когда они вернулись, Данае результат не понравился.

– Персей дело говорит, Даная. Он уже вырос, чтобы принимать самостоятельные решения. Медузу он, конечно, никогда не найдет. Даже если она существует. Отпусти его на материк, пусть жизни нухнет. Скоро вернется. Он вполне способен о себе позаботиться.

Прощаясь, мать обливалась слезами и страдала, а сын гладил ее по руке и утешал.

– Все со мной будет хорошо, мам. Ты знаешь хоть кого-нибудь, кто бежит быстрее меня? Ну что плохого может со мной случиться?

– Я никогда не прощу Полидекта, никогда.

Ну хоть что-то, подумал Диктис.

Он отвез Персея в лодке на большую землю.

– Не доверяй тем, кто предлагает тебе что бы то ни было за так, – поучал Диктис пасынка. – Много найдется таких, кто захочет с тобой дружить. Кому-то доверять можно, а кому-то нет. Не пялься по сторонам, будто впервые оказался в большом порту или городе. Видимей скучающий и уверенный. Словно знаешь, что тут куда. И не бойся просить наставлений у оракулов.

В какой мере Персей последует этим замечательным советам, Диктис предвидеть не мог. Мальчишку он любил, а еще больше любил его мать, и ему горестно было оказаться сообщником в этом глупом приключении. Но, как сам он сказал Данае, Персея с пути не своротишь, и если б они с матерью расстались, наговорив друг другу всякого вгорячах, отсутствие Персея было бы переносить еще тяжелее.

Когда добрались они до материка, Персей подумал, что рыбацкая лодочка Диктиса смотрится очень маленькой и убогой рядом с большими кораблями у пристани. Человек, которого он звал отцом с тех самых пор, как научился говорить, вдруг показался Персею таким же маленьким и убогим. Обнял его Персей пылко и нежно, принял серебряные монеты, что

сунули ему в руку. Пообещал, что постарается прислать на родной остров весточку, как только возникнут достойные новости, и, терпеливо выстояв на набережной, махал вслед Диктису и его лодочке, хотя отчаянно рвался разведывать этот неведомый новый мир материковой Греции.

Двое незнакомцев в дубовой роще

Суэта большого города на материке смутила Персея, сбила с толку. Никому, казалось, нет до него дела – если только кто-нибудь не пытался выжугить у него то небольшое серебро, какое при нем имелось. Довольно скоро Персей понял, что Диктис прав: чтобы вернуться к Полидекту с головой Медузы, нужно искать совета. Оракул Аполлона в Дельфах далеко, но зато он бесплатный для всех желающих⁸.

Персей встал в длинную очередь просящих и через два долгих дня наконец оказался перед жрицей⁹.

– Чего желает знать Персей?

Персей тихонько охнул. Она знает, кто он такой!

– Я, ну, я... я хочу знать, как мне найти и убить Медузу, которая горгона.

– Персею предстоит отправиться в землю, где люди питают себя не золотым зерном Деметры, а плодами дубового дерева.

Персей ждал, что ему скажут еще что-нибудь, но больше не услышал ни словечка. Жрец потянул его в сторону.

– Проходим, проходим, пифия свое сказала. Ты задерживаешь очередь.

– Ты, видимо, не знаешь, что она имела в виду?

– Мне есть чем заняться, я не выслушиваю каждое пророчество из ее уст. Не сомневайся: сказанное – мудро и истинно.

– Но как люди выживают на плодах дуба?

– На плодах дуба? Нет такого. Давай-давай, не задерживайся.

– Я знаю, что она имела в виду, – проговорила старушка, одна из многих постоянных посетителей, что ежедневно приходили посидеть на траве и поглядеть, как очередь просящих движется навстречу своей судьбе. – Пифия велела тебе навестить оракула в Додоне.

– Другого оракула? – У Персея екнуло сердце.

– Люди там делают муку из желудей, что падают с дубов, священных для Зевса. Болтают, что те деревья умеют говорить. Додона далеко на севере, миленький, – просипела она. – Очень далеко!

И впрямь. Невеликий запас серебра, какой был у Персея, истощился, и, странствуя на север, спал он среди живых изгородей, а питался едва ли не одними дикими фигами да орехами. Когда добрался в Додону, смотрелся он, видимо, совсем уж жалко, поскольку местные женщины обошлись с ним ласково. Погладили по голове и накормили ломтями вкуснейшего хлеба из дубовой муки, толсто намазанными ядреным козым творогом и подслащенными медом.

– Приходи рано поутру, – посоветовали они. – Дубы разговорчивее в прохладные часы, до полуденного солнца.

Когда на рассвете следующего дня Персей отправился к дубовой роще, над округой висела пелена тумана.

– Кхм, доброе утро? – обратился он к деревьям, чувствуя себя необычайно глупо. Дубы и впрямь вздымались высоко, горделиво и величаво, но ни ртов у них не имелось, ни лиц с каким бы то ни было понятным выражением.

– Кто говорит?

⁸ Позднее «плату за консультирование» стало положено отдавать жрице, а также покрывать расходы на необходимые жертвоприношения.

⁹ Жрица, именуемая ПИФИЕЙ, держалась за священную треногу, которая соединяла ее с почвой. Сообщения пифия получала из клубов сернистого пара, что курился (и курится до сих пор) из-под земли в Дельфах.

Персей вздрогнул. Это голос, вне всяких сомнений. Спокойный, негромкий, женский, но сильный и очень властный.

– Готовы помочь.

Еще один голос! В этом, кажется, слышалась тень насмешки.

– Меня зовут Персей. Я пришел...

– О, я знаю, кто ты, – произнес, выступая из теней, молодой мужчина.

Он был юн, поразительно хорош собой и чрезвычайно необычно одет. Если не считать набедренной повязки, шляпы с узенькими полями и крылатых сандалий, мужчина был наг¹⁰. Персей заметил двух змей, свивавшихся вокруг жезла в руках у незнакомца.

Позади него возникла женщина со щитом. Высокая, суровая и красивая. Стоило ей вскинуть на Персея взгляд серых глаз, как Персей ощутил потрясающий прилив чего-то такого, что он не смог толком определить. Решил, что эта женщина просто величественна, и потому склонил голову.

– Не бойся, Персей, – проговорила она. – Твой отец прислал нас помочь тебе.

– Мой отец?

– Он и наш отец, – сказал юноша. – Пастырь туч, Податель бурь.

– Отец-небо, Повелитель небесной тверди, – продолжила сиятельная женщина.

– З-З-Зевс?

– Он самый.

– Вы хотите сказать, что это правда? Зевс – мой отец?

Персей никогда не верил материной безумной байке о том, как Зевс явился ей золотым дождем. Считал, что его настоящий отец – какой-нибудь бродячий музыкант или лудильщик, чьего имени она так и не узнала.

– Истинная правда, брат Персей, – сказала высокая женщина.

– Брат?

– Я Афина, дочь Зевса и Метиды.

– Гермес, сын Зевса и Майи, – сказал молодой человек, кланяясь.

То, что он узнал далее, юнцу с тихим детством принять было непросто. Двое олимпийцев рассказали ему, что Зевс присматривает за ним с самого его рождения. Это он направил деревянный сундук в сети Диктиса. Это он следил за Персеем, пока тот мужал. Зевс видел, как Персей принял вызов Полидекта. Восхитился его отвагой и отправил двух своих любимых детей помочь их единокровному брату в его походе за головой Медузы.

– Вы собираетесь мне помогать? – спросил Персей. На такое он и не смел рассчитывать.

– Убить за тебя горгону нам нельзя, – сказал Гермес, – зато мы можем помочь чуть-чуть склонить удачу на твою сторону. Они тебе пригодятся. – Тут он глянул вниз и показал на свои сандалии. – К моему брату Персею, – велел он. Сандалии на лодыжках бога расшнуровались и подлетели к Персею. – Сперва сними свои.

Персей разулся, и новые сандалии тут же сели ему на ноги.

– У тебя будет достаточно времени, чтобы к ним привыкнуть, – сказала Афина, веселясь от того, как Персей загарцевал, будто плясун.

– Ты их сбиваешь с толку, – сказал Гермес. – Чтобы лететь, ступнями грести не надо. Просто думай.

Персей закрыл глаза и напрягся.

– Да ну не так, будто тебе облегчиться надо. Просто вообрази себя в воздухе. Вот! Теперь понял.

Персей открыл глаза и обнаружил, что вознесся в воздух. Рухнул с громким «бум».

¹⁰ Во всяком случае, по нашим понятиям. Для грека облачен он был более чем обычно...

– Упражняйся. Это самое главное. А вот тебе шапка от нашего дяди АИДА. Надень – и станешь незримым для всех.

Персей принял шапку.

– У меня для тебя тоже есть кое-что, – сказала Афина.

– О. – Персей отложил шапку и взял в руки предмет, который Афина протянула ему. – Сума?

– Может пригодиться.

После сандалий-самолетов и шапки-невидимки простая бурая кожаная сума несколько разочаровывала, но Персей постарался не подавать вида.

– Как это мило – я уверен, что пригодится.

– Да-да, – сказала Афина, – но есть у меня и еще кое-что. Вот, возьми... – Она подала ему оружие с коротким клинком, изогнутое, как серп. – Берегись, лезвие очень острое.

– Это точно! – сказал Персей, сося окровавленный большой палец.

– Называется *гарпа*, срежет что угодно.

– Из адамантина сделана, – добавил Гермес. – Точная копия великого серпа, какой Гея изготовила для Кроноса.

– И вот еще тебе щит, единственный в своем роде, – сказала Афина. – Называется *эгида*. Обязательно следи за тем, чтобы его поверхность всегда зеркально сияла, как сейчас.

Персей прикрыл глаза от яростного рассветного солнца, отразившегося в полированной бронзе.

– Замысел в том, чтобы ослепить Медузу этим сиянием?

– Как лучше всего применить этот щит, тебе предстоит придумать самому, но, поверь, без этого щита ты точно проиграешь бой.

– И погибнешь, – добавил Гермес. – Будет очень жаль.

Персей едва мог сдерживать нетерпение. Крылышки у него на ступнях затрепетали, и Персей пошел на взлет. Раз-другой взмахнул гарпой.

– Поразительно это все. Что мне делать дальше?

– Помочь мы тебе можем лишь в некоторых пределах. Тебе как герою придется совершать поступки самостоятельно и самому принимать...

– Я герой?

– Можешь им стать.

Таковыми они были пригожими, Гермес с Афиной. Сияли. Что бы ни делали – все им давалось без всяких зримых усилий. Рядом с ними Персей сам себе казался заполошным и неуклюжим.

Словно прочтя его мысли, Афина сказала:

– Ты привыкнешь и к эгиде, и к серпу, и к сандалиям, и к шапке и суме. Это все внешнее. Если ум и дух устремлены к цели, все остальное приложится. Расслабься.

– Но сосредоточься, – добавил Гермес. – Расслабление без сосредоточенности – путь к неудаче.

– Сосредоточенность без расслабления – путь к неудаче не менее верный, – сказала Афина.

– В общем, собраться... – суммировал Персей.

– Именно так.

– ...но спокойно?

– Собирайся спокойно. Все верно.

Персей несколько раз вдохнул и выдохнул, надеясь, что получается расслабленно и при этом сосредоточенно, собранно – и спокойно.

Гермес кивнул.

– Кажется, у этого юноши великолепные шансы на успех.

– Но эти – чудесные! – дары не способны мне помочь вот с чем – с поисками горгон. Я спрашивал у всех подряд, но о том, где обитают горгоны, все говорят разное. На каком-то острове, далеко-далеко в море – и больше толком ничего. На каком острове? В каком море?

– Этого мы тебе сказать не можем, – произнес Гермес, – но слышал ли ты о ФОРКИДАХ?

– Никогда.

– Их иногда именуют ГРАЙЯМИ, или Седыми, – сказала Афина. – Они дочери Форкия и Кето – как и их сестры, горгоны Стено и Эвриала.

– Они старые, – добавил Гермес. – Такие старые, что на троих у них один глаз и один зуб.

– Найди их, – сказала Афина. – Они знают всё, но ничего не говорят.

– Если они ничего не говорят, – начал Персей, – что в них толку? Мне серпом им пригрозить?

– Ой, нет, придется придумать что-нибудь поизощреннее.

– Что-нибудь гораздо хитрее, – молвил Гермес.

– Но что?

– Ты, несомненно, додумаешься. Грай можно найти в пещере на диких берегах Кисфены – это общеизвестно.

– Желаем тебе большой удачи, брат Персей, – сказала Афина.

– Расслабленно, однако сосредоточенно – самое главное, – повторил Гермес.

– Прощай...

– Удачи...

– Погодите, погодите! – вскричал Персей, но силуэты богов уже начали тускнеть в ярком утреннем свете и вскоре исчезли совсем. Персей остался один посреди рощи священных дубов. – Ну хоть серп настоящий, – сказал Персей, разглядывая ранку на пальце. – Сума тоже настоящая, и сандалии. Эгида опять же...

– Ты пытаешься меня ослепить?

Персей резко обернулся.

– Поосторожней щитом размахивай, – вновь послышался раздраженный голос. Казалось, он исходил из самой середки ближайшего дуба.

– Так, значит, вы, деревья, все же умеете разговаривать, – сказал Персей.

– Конечно, умеем.

– Обычно предпочитаем помалкивать.

– Мало что стоит произносить вслух.

Теперь словно загомонила вся роща.

– Понимаю, – сказал Персей. – Но, может, вам не жалко будет показать мне, в какой стороне Кисфена?

– Кисфена? Это в Эолии.

– Скорее, во Фригии на самом деле, – вклинился другой голос.

– Я бы сказал, в Лидии.

– Ну уж во всяком случае на востоке.

– К северу от Ионии, но к югу от Пропонтиды.

– Не обращай на них внимания, юноша, – загремел старый дуб, шурша листвой. – Они понятия не имеют, о чем толкуют. Лети над островом Лесбос, а затем вдоль побережья Мисии. Пещеру Седых сестер не заметить невозможно. Она под скалой, что напоминает ласку.

– Горностая она напоминает, хочешь ты сказать, – пискнул юный саженец.

– Выдру, верно же?

– Я бы предположил – куницу.

– Скала напоминает хорька – и ничто другое.

– Я сказал – ласку и имел в виду ласку, – заявил старик, содрогаясь снизу доверху так, что закачалась крона.

– Спасибо, – проговорил Персей. – Мне и впрямь пора.

Забросив суму за плечо, повесив серп на пояс и покрепче взявшись за щит, Персей насутился, чтобы пробудить сандалии, и с торжествующим воплем рванул в небесную синь.

– Удачи! – вскричали дубы.

– Ищи скалу, похожую на мартышку...

Грайи

Когда Персей изящно – носки вытянуты – приземлился на берегах Мисии рядом с пещерой в скале, чьи очертания снаружи напоминали, на его взгляд, раздавленную крысу, день почти завершился. Глянув на запад, Персей увидел, как солнечная колесница ГЕЛИОСА из медной сделалась красной и, завершая свой дневной пробег, мчала к землям ГЕСПЕРИД.

Персей отправился ко входу в пещеру и надел шапку, подаренную Гермесом, – колпак Аида. Не успела шапка оказаться на голове у Персея, как длинная тень, что шагала по песку рядом с ним, исчезла. От надвинутой на глаза шапки-невидимки все вокруг потемнело и слегка затуманилось, но все же видно было достаточно.

«Это все не пригодится», – сказал он себе, оставляя серп, суму и щит на песке у входа в пещеру.

Двинулся на голоса и мерцание света вдоль длинного, петлявшего коридора. Свет делался все ярче, голоса – громче.

– Подошла моя очередь на зуб!

– Да я его только что вставила.

– Тогда пусть ПЕМФРЕДО мне хотя бы глаз даст.

– Ой, да хватит брюзжать, ЭНИО...

Персей вошел под каменные своды и увидел в неверном свете лампы, висевшей сверху, трех фантастически старых женщин. Лохмотья их облачений, растрепанные волосы и обвислая плоть были серы, как камни пещеры. У одной сестры в оголенных деснах нижней челюсти торчал единственный желтый зуб. В глазнице у другой сидело одинокое глазное яблоко, взгляд пугающе метался туда-сюда, то вверх, то вниз. Все как Гермес и говорил: один глаз и один зуб на троих.

На полу громоздилась гора костей. Грызла кость и сестра с зубом – обдирала с нее гнилое мясо. Сестра с глазом тоже взяла себе кость и разглядывала ее пристально и любовно. Третья сестра – без глаза и без зуба – резко вскинула голову и принялась.

– Чую смертного, – взвизгнула она, тыкая пальцем в ту сторону, где стоял Персей. – Смотри, Пемфредо. Разуй глаз!

Взгляд Пемфредо, сестры с глазом, дико заметался из стороны в сторону.

– Нет там никого, Энио.

– Говорю тебе, есть. Смертный. Я его унюхала! – вопила Энио. – Куси его, ДИНО¹¹. Бери на зуб. Кусай! Закусай до смерти!

Персей тихонько подобрался поближе, очень стараясь не наступать на разбросанные кости.

– Дай мне глаз, Пемфредо! Клянусь, я чую смертную плоть.

– На, держи. – Пемфредо извлекла глаз из глазницы, и та, которую звали Энио, жадно протянула руку.

Персей шагнул вперед и выхватил глаз.

– Что такое? Кто? Что?

Персей толкнул Дино, сестру с зубом. Воспользовавшись тем, что Дино от изумления разинула рот, Персей выдернул зуб у нее изо рта и с хохотом отпрянул.

– Добрый вечер, дамы.

– Зуб! Зуб, кто-то украл зуб!

¹¹ Имена грай, как это часто бывает в греческой мифологии, говорящие. Пемфредо – «та, что указывает путь», Энио – «воинственная», Дино – «ужасная» (как в слове «динозавр», что означает «ужасная ящерица»). Дино иногда называли Персидой – «разрушительницей». Этот вариант похож на имя Персея, и потому я его отставил. Но становится ясно, что и Персей, и все прочие имена, содержащие *перс-*, имеют «разрушительные» значения.

– Где глаз? У кого глаз?

– У меня ваш зуб, сестры, – у меня же и глаз ваш.

– Верни их!

– Ты не имеешь права!

– Всею свое время, – проговорил Персей. – Могу и вернуть этот мутный старый глаз и этот гнилой старый зуб. Мне они без надобности. Конечно, так же запросто я мог бы выкинуть их в море...

– Нет! Нет! Молим тебя!

– Молим...

– Все зависит от вас, – сказал Персей, вновь и вновь обходя сестер по кругу. Когда б ни оказывался он рядом, старухи тянули к нему костлявые руки, пытались схватить его, но он всякий раз оказывался проворнее.

– Чего тебе надо?

– Сведений. Вы стары. Вы многое знаете.

– Что тебе сообщить?

– Как найти ваших сестер горгон?

– А чего тебе от них надо?

– Хочу забрать Медузу к себе домой. По крайней мере, частично.

– Ха! Глупец. Она тебе петрификацию устроит.

– Окаменеешь ты то есть.

– Я учен. Я знаю, что такое «петрификация», – сказал Персей. – Предоставьте мне обо всем этом беспокоиться, просто скажите, как найти остров, на котором они живут.

– Ты нашим милым сестрам зла желаешь.

– Говорите – или я выброшу в море сперва глаз ваш, а следом и зуб.

– У Ливии! – вскричала сестра Энио. – Остров у берегов Ливии.

– Доволен?

– Они тебя убьют и попируют на твоей плоти, а мы про то узнаем и порадуетесь, – проскрежетала Дино.

– Отдавай-ка глаз и зуб теперь.

– Само собой, – сказал Персей. Эти карги, может, и стары, подумал он про себя, но когти у них острые, а сами они свирепы и мстительны. Лучше выиграть немного времени. – Вот что я вам скажу. Давайте-ка поиграем, – произнес он. – Закрывайте глаза и считайте до ста... Ой. Ну да. Глаза закрывать необязательно. Просто считайте до ста, а я пока спрячу зуб и глаз. Обещаю оставить их где-то тут, в пещере. Без мухлеж. Раз, два, три, четыре...

– Будь ты проклят, дитя Прометеево!

– Чтоб у тебя мясо на костях сгнило да поотваливалось!

Персей стремительно кружил по пещере, считая вместе со старухами.

– Спасибо сказали бы лучше... девятнадцать, двадцать... а не кляли меня, – приговаривал он, покуда старухи изрыгали все более мерзкие и жуткие гадости. – Сорок пять, сорок шесть... ну правда же, с вами века напролет ничего более увлекательного не происходило... шестьдесят восемь, шестьдесят девять... вы об этом дне будете судачить не век и не два. Не начинайте искать, пока до ста не доберетесь, не мухлевать мне тут!

Персей вернулся тем же коридором к выходу из пещеры на просторный пляж и услышал голоса грай позади – они бранились, буянили и брызгали слюной.

– Прочь с дороги, прочь с дороги!

– Нашла,шла!

– Да это осколок кости просто, дурища старая!

– Глазик! Нашла глазик!

– Отпусти мой язык!

Остров горгон

Прицепляя на места серп и щит, Персей улыбался. Зуб и глаз он спрятал как следует. Седые провозятся с поисками не один день. Персей не сомневался: они и не помыслят прервать эти поиски и призвать какую-нибудь птицу или тварь морскую, чтобы предупредила сестер об опасности. Да пусть бы и призвали – у него замечательное вооружение. Щит, эгида – хотя... Почему Афина так настаивала, чтобы Персей полировал щит до блеска?

Он вознесся над поверхностью моря и направил полет к берегам Ливии.

Лунная колесница СЕЛЕНЫ уже поднялась в небеса, а Персей прочесывал море, ища обитель горгон. Нашел он ее довольно быстро – скорее, цепочка скальных выступов, нежели остров, все укрыто туманом. Персей спустился ниже туманной пелены. Жидкий лунный свет едва проникал сюда. Паря над островом, Персей разобрал, что за каменные утесы он принял жизнеподобные статуи: тюленей, морских птиц – и мужчин. И даже нескольких женщин и детей. До чего это необычно – сад скульптур в таком удаленном и сумрачном месте.

А вот и горгоны. Все три лежали кружком и крепко спали, сплетя руки в нежных сестринских объятиях. Не совсем такие, как описывала их Даная. У всех трех имелись бронзовые зубы и когти, как мать и говорила, но лишь у одной вместо шевелюры – живые, извивающиеся змеи, совсем уж по-особому и до жути красивые. Это, должно быть, и есть Медуза. Она была мельче двух других сестер. Лунный свет озарял гладкое лицо. У остальных кожа была чешуйчатая, свисала складками. Глаза у Медузы были закрыты, и Персей не мог устоять – смотрел на эти сомкнутые веки, зная, что достаточно им открыться, как в тот же миг жизнь его закончится. Один лишь взгляд – и...

Ох ну и глупец же он! Статуи, что высились со всех сторон, – не искусство, не плоды трудов некоего одаренного скульптора, это окаменевшие от встречи с Медузиным взглядом.

Сандалии бесшумно подняли его в воздух. Он расчехлил кривой клинок гарпы и выставил перед собой щит. Что дальше? Внезапно он понял, почему Афина велела держать щит начищенным. Ему нельзя смотреть в глаза Медузы, но вот ее отражение... это другое дело.

Персей подал щит вперед и слегка наклонил его так, чтобы видеть спавшую внизу троицу, ясно отраженную в сияющей бронзе.

Любой, кто пытался выщипнуть непослушный волосок из брови, глядя в зеркало в ванной, знает, до чего трудно выполнить столь тонкую задачу в перевернутом мире отражения и не ткнуть себя при этом. У нас слева – там справа, у нас справа – там слева, близкое – далеко, далекое – близко. Персей приспособил зеркало так, чтобы видеть, как сам размахивает серпом.

Но видно не было ничего! Почему зеркало подводит его?

Ну конечно! Проклиная себя за умственную неповоротливость, Персей снял колпак Аида и сунул его в суму. Оказалось, это не так-то просто. С тяжелым серпом в одной руке и еще более тяжелым щитом в другой, в мыслях занятый и опасностью разбудить горгон, и необходимостью поддерживать в сандалиях полетный режим на нужной высоте, Персей, пока прятал шапку, потел и отдувался – но приготовился сосредоточиться и потренировать движения. Теперь он отчетливо видел свой образ в щите и разобрался, как размахивает оружием его отражение.

Сам того не заметив, Персей немного снизился. Посвист лезвия разбудил гадюк на голове у Медузы, они приподнялись и начали плевать. Поменяв угол наклона щита, Персей увидел, что они смотрят прямоком на него – и шипят. В любой миг Медуза проснется – а заодно и ее несокрушимые сестрицы. Персей приблизился к спавшей Медузе, оружие наизготовку. Отражение в щите показало, что Медуза шевельнулась, веки затрепетали.

Глаза распахнулись.

Персей не знал, чего ждать, – вероятно, уродства и ужаса, но никак не красоты. Однако глаза Медузы, пусть и пылали яростью, оказались таковы, что Персею захотелось отвлечься

от их отражения в щите и заглянуть в них по-настоящему. Он отмел это желание и вскинул серп повыше.

Медуза смотрелась в щит. Приподняла голову, чтобы глянуть на Персея впрямую, и оголила горло. Гарпа рассекла воздух, и Персей ощутил, как лезвие режет плоть у нее на шее. Потянулся вниз, схватил голову и сунул ее в суму, пока метавшиеся умиравшие змеи не вонзили в него клыки.

Попытался было взлететь и убраться прочь, но что-то держало его за щиколотки. Две другие горгоны, Стено и Эвриала, с воплями пробудились и тянули его вниз. Персей лягался и брыкался, тем временем призывая сандалии поднимать его повыше. Он пробил свод тумана и воспарил в ясном, залитом луной воздухе, визг взбешенных сестер звенел у него в ушах, но Персей не оборачивался.

А следовало бы, наверное. Увидел бы нечто чрезвычайно примечательное. С того дня, как Посейдон овладел Медузой у храма Афины, она была беременна близнецами. Как только Медуза лишилась головы, тем двоим наконец открылся выход из ее тела. Первым из разверстой раны возник юноша с сияющим золотым оружием. Звался он ХРИСАОРОМ, что означает «Золотой меч».

Оттуда же, откуда Хрисаор, появилась вторая фигура. С того самого дня, как великолепная АФРОДИТА восстала из пенного семени и крови отсеченных яичек Урана, не бывало на свете ничего столь сверхъестественно прекрасного, рожденного из чего-то с виду мерзкого. Близнец Хрисаора – сверкающе-белый крылатый конь. Он забил копытами по воздуху и взлетел в небо, оставив позади своего брата и двух оравших горгон.

Имя тому коню было ПЕГАС.

Андромеда и Кассиопея

– Получилось! Получилось! Получилось! – вопил Персей луне.

И впрямь. Надежно спрятав голову Медузы в суме, которую он поначалу считал такой неинтересной, Персей полетел, опьяненный восторгом. Такое его охватило воодушевление, такое ликование, что Персей свернул не туда. Не налево полетел, а направо и вскоре увидел, что движется вдоль незнакомого берега.

Милую за милей пролетал он без устали, но неведомые края внизу озадачивали его все сильнее. И вдруг, с первым проблеском зари, ему открылся поразительный вид. Девушка-красавица, нагая, прикованная к скале.

Персей подлетел поближе:

– Что ты тут делаешь?

– А ты как думаешь, что я тут делаю? И будь любезен, взгляд свой не своди с моего лица, если нетрудно.

– Извини... Но как тут не задуматься... может, помочь тебе чем-нибудь?... Меня зовут Персей.

– АНДРОМЕДА, приятно познакомиться. Как тебе удастся висеть в воздухе?

– Это долгая история, а у меня вопрос предметнее: чего это ты прикована к скале?

– Ну... – Андромеда вздохнула. – Это все на самом деле из-за моей матери. История тоже долгая, но заняться мне все равно нечем, поэтому чего бы не рассказать ее тебе. Мои родители, КЕФЕЙ и КАССИОПЕЯ, – царь и царица.

– А мы сейчас где?

– В Эфиопии, а ты как думал?

– Извини, пожалуйста, давай дальше...

– Это все мама виновата. Она ляпнула вслух, что я красивее, чем все **НЕРЕИДЫ** и **ОКЕАНИДЫ** на свете¹².

– Так и есть, вообще-то, – заметил Персей.

– Ой, цыц. Посейдон услышал эту похвальбу и так разъярился, что отправил чудовищного морского дракона по имени Кит, чтобы тот крушил берег¹³. Никакие корабли не могут теперь причалить, и народ начал голодать. Дело в том, что мы зависим от торговли. Родители обратились за советом к жрецам и жрицам, и те сказали, что ублажить бога, чтоб отозвал Кита, можно лишь одним способом – приковать меня голой к скале. Кит пожрет меня, но зато царство спасется. Ой, а вот и он, смотри, смотри!

Персей огляделся и увидел, как прет к ним по волнам громадное морское чудовище. Недолго думая, Персей ринулся в воду, чтобы сразиться с ним.

С восхищением и облегчением наблюдала за всем этим Андромеда, но вскоре ею завладело отчаяние: шли минуты, а Персей все не всплывал. Невдомек было Андромеде, что он – рекордсмен Серифоса по задержке дыхания под водой. Неоткуда ей было знать, что при Персее клинок до того острый, что способен пробить насквозь даже жесткую роговую чешую Кита. Андромеда облегченно вскрикнула, увидев, как веселое торжествующее лицо Персея наконец возникло в волнах – в бурлении крови и ворвани. Персей застенчиво помахал Андромеде, а затем вновь подлетел к ней.

¹² Два главных (и многочисленных) рода морских нимф, океаниды и nereиды, – соответственно дочери и внучки морских титанов **ОКЕАНА** и **ТЕФИДЫ**. Следовательно, все они – двоюродные родственники Посейдона. См.: «Миф», с. 36. [Здесь и далее нумерация страниц в отсылках к книге «Миф» Стивена Фрая приводится по изд.: Фрай, Стивен. Миф. Греческие мифы в пересказе. М.: Фантом Пресс, 2018. – *Примеч. перев.*]

¹³ Не путать с Кето, матерью двух бессмертных горгон. Хотя от имени этой морской богини действительно происходят имена всех подобных морских чудовищ – и название наших *китообразных*.

– Глазам своим не верю, – сказала она. – Быть такого не может! Как тебе это удалось?

– Ой, ну как, – проговорил Персей, сбивая с Андромеды кандалы двумя меткими ударами гарпы. – В воде я всегда как дома. Проплыл себе под чудищем и вспорол ему брюхо клинком. Тебя куда подбросить?

Когда они приземлились у царского дворца, Андромеда уже по уши влюбилась в Персея, а он – в нее.

Кассиопея чуть с ума не сошла от радости, увидев дочь живой, и с восторгом узнала, что этот пригожий юный герой станет ей зятем.

Царь Кефей робко проговорил:

– Не забывай, дорогая моя, что Андромеда уже обещана моему брату ФИНЕЮ.

– Вздор, – сказала Кассиопея, – приблизительная договоренность, никакого связывающего обязательства. Финей поймет.

Финей *не* понял. Брат ЭГИПТА и потомок НИЛА¹⁴, он считал, что союз с Андромедой даст ему возможность объединить два самых могучих царства на реке Нил. Не позволит он какому-то там молокососу с серпом отнять такую мечту. Слухи о том, что молокосос умеет летать, он со счетов сбросил.

И вот музыка и смех свадебного пира в великом зале эфиопского дворца смолкли: ввалился Финей с немалым войском, вооруженным до зубов.

– Где он? – взревел Финей. – Где этот мальчишка, что посмел встать между мной и Андромедой?

Во главе стола, где пировало царственное семейство, Кассиопея и Кефей смущенно переглянулись, а Персей неуверенно поднялся.

– Думаю, тут какая-то ошибка, – произнес он.

– Да, будь ты неладен, еще какая, – отозвался Финей. – И совершил ее ты. Эту девушку много месяцев назад пообещали мне.

Персей обратился к Андромеде:

– Это правда?

– Да, – ответила она. – Но меня никто не спрашивал. Он же мой дядя, я вас умоляю¹⁵.

– А это тут при чем? Ты моя, вот и весь сказ. А у тебя, – прорычал Финей, указывая мечом на Персея, – у тебя две минуты на то, чтобы убраться из дворца и из этого царства, – если ты, конечно, не желаешь, чтобы твоя башка украсила ворота.

Персей поглядел через весь зал на Финей. При Финее было человек шестьдесят вооруженных воинов. Но разговоры о башках, украшающих ворота, навели Персея на мысль, от которой эта самая башка у него пошла кругом.

– Нет, – сказал он. – Это я *тебе* даю две минуты, чтобы покинуть дворец, – если, конечно, не желаешь, чтобы ты и твои люди украшали этот зал.

Финей фыркнул весело и презрительно.

– Ну и наглец ты, не поспоришь. Кошель золота любому, кто первым прошибет стрелой глотку этому гаденышу.

Солдатня взревела от восторга и натянула тетивы.

– Кто со мной – прячьтесь у меня за спиной! – крикнул Персей, открыл суму и вытащил голову Медузы.

Андромеда, Кассиопея, Кефей и гости пира во главе стола возопили от изумления, увидев, как Финей и его шестьдесят воинов мгновенно застыли.

– Почему они замерли?

¹⁴ Нил был одним из важнейших речных богов – *потап*, – его потомки вступали в браки с Египтом, Ливией и Эфиопией. Как получилось и с Азией, и с Европой; имена этих божеств, полубогов и смертных до сих пор запечатлены на наших картах.

¹⁵ Андромеде, как и многим смертным в наше время, кровосмешение, судя по всему, претило. Боги-то куда менее приредливы.

– О боги... да они *окаменели*!

Персей спрятал голову обратно в суму и повернулся к своим будущим родственникам.

– Надеюсь, он вам был не очень дорог.

– Мой герой... – пролепетала Андромеда.

– Как тебе это удалось? – воскликнула Кассиопея. – Они же статуи. Каменные статуи! Как такое может быть?

– Ой, ну так, – сказал Персей, скромно пожав плечами. – Я тут прошлой ночью познакомился с Медузой горгоной. Ушел с ее головой. Решил, что в хозяйстве пригодится.

Громадное облегчение свое Персей скрыл. Он вовсе не был уверен, что у взгляда мертвых горгоновых глаз сохраняется способность превращать живое в камень, но внутренний голос подсказал ему, что попробовать стоит. Вдохновением ли был тот внутренний голос или же совет нашептала ему Афина, Персей разобрать не смог.

Кефей положил руку юноше на плечо.

– На дух не выносил этого Финея. Ты меня очень выручил. Не знаю, как и благодарить тебя.

– Рука твоей дочери – вся благодарность, какая мне нужна. Надеюсь, ты позволишь мне забрать Андромеду с собой ко мне на остров Серифос и познакомить с мамой? Нельзя! – Персей шлепнул Кассиопею по руке – царица потянулась к клапану сумы. – Я б на вашем месте и не пробовал.

– Ох, мама... – Андромеда вздохнула. – Как об стенку горох.

Возвращение на Серифос

– У меня там не дворец, – предупредил Персей Андромеду, пока они неслись над морем к Серифосу. – Простой домик.

– Ты там вырос. Уверена, он мне очень понравится.

– Я тебя люблю.

– Само собой.

Но когда они приземлились на берегу, оказалось, что домик Диктиса сгорел дотла.

– Как такое могло случиться? Где все? Что произошло?

Персей отыскивал рыбаков, чинивших сети неподалеку. Они грустно покачали головами. Данаю с Диктисом Полидект заточил в темницу.

– Говорят, царь устраивает во дворце большой пир.

– Ага. Вот прямо сейчас.

– Ради какого-то очень важного объявления.

Персей схватил Андромеду за руку и полетел с ней во дворец. Они оказались позади тронной залы как раз вовремя: увидели, как Данаю и Диктиса, связанных веревками, втащили и бросили перед Полидектом.

– Как вы посмели? Как посмели вы жениться без моего разрешения?

– Это все я, – сказал Диктис.

– Это все мы, – сказала Даная.

– Но я предложил тебе *свою* руку. Ты могла бы стать моей царицей! – завопил Полидект. – За это оскорбление вы оба умрете.

Персей выступил вперед и направился к трону. Полидект глянул за спины Данаи и Диктиса и увидел Персея. Широко улыбнулся.

– Так-так-так. Уж не храбрый ли юный Персей это? Ты сказал мне, что без головы Медузы не вернешься.

– А ты сказал мне, что собираешься соревноваться с Эномаем в гонках на колесницах за право на Гипподамию.

– Я передумал.

– Зачем ты пленил мою мать?

– Им с Диктисом суждено умереть. Можем и тебя рядышком повесить, если пожелаешь.

Даная с Диктисом воззвали к сыну:

– Беги, Персей, беги!

– Мама, Диктис, если любите меня – отвернитесь и смотрите на Полидекта. Молю вас! Все, кто любит меня, смотрите на царя!

Улыбка на лице Полидекта стала чуть менее уверенной.

– Что за чепуха?

– Ты потребовал голову Медузы. Вот она!

– Уж не ждешь ли ты от меня, что... – И больше ни слова не молвил Полидект.

– Всё. Можете повернуться и смотреть на меня, – сказал Персей, убирая голову Медузы обратно в суму. – Теперь это безопасно.

Статуя Полидекта, сидящего на троне, окруженном каменными воинами, стала популярной достопримечательностью Серифоса. Гости острова платили за то, чтобы посмотреть на это и потрогать статую, а на вырученные деньги островитяне возвели храм Афины и сто *герм*¹⁶ по всему Серифосу.

¹⁶ Гермы – четырехгранные колонны, они служили благопожелательными межевыми знаками и указателями. Обычно на герме помещали вырезанную из камня голову, чаще всего бога Гермеса (хоть и в нетипичном для него виде – с бородой), а

Андромеда с Персеем оставили царя Диктиса и царицу Данаю на острове, а сами отправились своей дорогой. Они могли бы остаться и унаследовать царство. Могли бы вернуться на родину Андромеды и править объединенным царством Эфиопии и Египта. Но они были юны, пылки и настроены путешествовать, а Персею еще и хотелось навестить край своего рождения. Младенцем он пробыл там меньше недели. Его дед, царь Акрий, сделал все, чтобы не допустить существования Персея и укоротить его жизнь, но Персею было любопытно поглядеть, каков он, знаменитый Аргос, царство его рождения.

Добравшись до Аргоса, Персей с Андромедой обнаружили, что Акрий, выбросив дочку с внуком в море в сундуке много-много лет назад, сделался мрачен, жесток и деспотичен. Любимым правителем он никогда не был, и с трона его вскоре свергли. Никто не знал, где он теперь. Люди Аргоса, прослышав о потрясающих подвигах Персея, пригласили его взойти на пустовавший трон. Не зная, чем дальше заняться и где осесть, молодая пара поблагодарила аргосцев и попросила время на размышление.

Странствовали они по материковой Греции, и Персей зарабатывал им на жизнь призовыми деньгами, какие постоянно выигрывал на спортивных состязаниях. Дошли до них вести, что царь Лариссы устраивает самые богатые игры года, и они подались на север, в Фессалию. В тех играх участвовали лучшие спортсмены Греции, и велика честь тому, кто победит сразу во многих видах соревнований. Персей выигрывал один забег за другим, состязание за состязанием. Последним было метание диска. Персей зашвырнул его так далеко, что диск пролетел над самой дальней отметкой, покинул стадион и приземлился среди зрителей. Великий рев восторга, каким встретили этот невероятный результат, стремительно перерос в стон ужаса. Кого-то из зрителей тем диском зашибло.

Персей бросился в толпу. На земле лежал старик, из пробитой головы струилась кровь. Персей прижал его к себе.

– Прости меня, – проговорил он. – Какой ужас. Собственной силы не ведаю. Да простят меня боги.

К изумлению Персея, старик улыбнулся и даже смог выкашлять смех.

– Не тревожься, – молвил он. – Забавно, правда. Я обставил оракула. Много ли кто вправе такое сказать? Оракул предрек, что смерть мне будет от руки внука, а сразил меня в итоге какой-то неуклюжий болван-спортсмен.

Слуга старика отпихнул Персея.

– Не напирай на его величество.

– Его величество?

– Ты что, не знаешь? Это же царь Акрий Аргосский.

Случайно или нет, предречено или нет – а все равно убийство кровника. Персей и Андромеда совершили скорбное паломничество на гору Киллену в Аркадии и в храм Гермеса и постояли рядом с пещерой, где родился этот бог. На алтарный камень возложили они шапку-невидимку и талари – крылатые сандалии. Выйдя за пределы храма и кратко помолившись Гермесу, они обернулись и поглядели на алтарь. Шапка и сандалии исчезли.

– Все правильно мы сделали, – проговорила Андромеда.

Отправились они в Афины и в недрах храма, посвященного Афине, спрятали серп, щит и суму с головой Медузы.

Богиня явилась им лично и благословила их.

– Ты справился, Персей. Наш отец тобой доволен.

Афина подняла щит, и они увидели, что лицо Медузы – изумленное, растерянное, печальное и по-своему красивое – смотрит на белый свет, навеки заточенное в сияющей

поверхности бронзы. С тех пор щит стал эгидой Афины – ее знаком, штандартом и предупреждением миру.

Можно добавить – и ни о каком другом великом герое, какие приходят мне на ум, такого не скажешь, – что Персей и Андромеда жили-поживали потом да добра наживали. После своих странствий они вернулись на Пелопоннес – большой полуостров на юго-западе, связанный с материковой Грецией перемычкой суши под названием Коринфский перешеек¹⁷, – и основали там Микены, великое царство, которое со временем, уже именуемое Аргolisом или Аргolidой, присоединило к себе соседние Аркадию и Коринф, а также и родной Персеев Аргос на юге.

Сын Персея и Андромеды Перс стал патриархом народа персов.

Прожив долго, Персей с Андромедой удостоились высшей награды, какая перепадает от Зевса смертным. Вместе с Кассиопеей и Кефеем их взяли на небо – созвездиями. Персей и Андромеда вместе присматривают за неукротимым потоком своих детишек-метеоров – ПЕРСЕИДОВ, их до сих пор видно и нам – раз в год они щеголяют в ночном небе.

¹⁷ Говоря строго, Пелопоннес свое имя тогда еще не получил – оно происходит от царя ПЕЛЮПА, с ним мы познакомимся позже.

Геракл

Род Персея

Долго еще после завтрака сидел Зевс в одиночестве за столом, размышляя о Герином сне. Кто-то придет на выручку – спасти бессмертных. Кто-то из рода Персеева. Не исключено, говорил он себе, что это всё лишь нахальные фантазии, насланные МОРФЕЕМ, чтобы морочить головы и сбивать с толку. Но есть возможность – хоть, допустим, и призрачная, но тем не менее возможность, – что эта греза и впрямь предупреждение – пророчество. Вреда не будет, если подготовиться. А может, попутно и повеселиться.

Итак. Род Персея. На чем мы остановились?...

Зевс глянул вниз на Тиринф, столицу Микен. Царственная пара Персея и Андромеды заслужила *катастеризм* – их вознесли на твердь небесную в виде созвездий, – но остались ли, задумался Зевс, какие-либо прямые потомки, что породили бы героя, чья родословная соответствовала бы условиям Гериного видения?

Имелось три очевидных кандидата. Первый – сын Персея и Андромеды по имени СФЕНЕЛ, теперешний царь Микен. Он был женат на молодой женщине по имени НИКИППА¹⁸. Покамест пара оставалась бездетной.

Второй живой наследник – внук Персея АМФИТРИОН, женившийся от большой влюбленности на своей двоюродной сестре, красавице АЛКМЕНЕ, тоже внучке Персея и Андромеды. Наследников пока не наплодили.

Стало быть, у одной из этих пар мог бы родиться великий герой. К слову, об Алкмене: Зевс не мог не приметить, что она очень, очень, *очень* хороша собой. А что, если ей забеременеть *моим*, а не Амфитрионовым сыном, задался вопросом Зевс. Поскольку сама Алкмена – внучка Персея, ребенок получится из его рода, все сходится, а значит, соответствует требованиям Гериного пророческого видения. Но и сыном Зевса этот ребенок будет тоже, потому, само собой, прирожденно героическая натура.

Чем больше Зевс об этом думал, тем больше ему эта затея нравилась. В результате возникнет именно такой герой, какого увидела Гера в своей грезе, а *еще* Зевс и удовольствие получит. Но как обрюхатить Алкмену? Они с Амфитрионом жили не в Тиринфе – аж в самих Фивах. Причина тому была мудреной, но занимательной.

Охотясь, Амфитрион ненароком убил Алкмениного отца ЭЛЕКТРИОНА (который, конечно же, дядя Амфитриона, а не только его тесть). Излишне напоминать, что убийство кровного родственника, случайное или нет, для греческого сознания было проступком самым жутким и непростительным. Амфитрион с Алкменой сбежали в Фивы, где владыка КРЕОНТ искупил кровавое преступление Амфитриона. Очищенный и обновленный, Амфитрион оставил жену в Фивах, вернулся в Микены и по требованию самой Алкмены взялся разбираться со сложным нагромождением династических неувязок.

Соответственно, в то время Алкмена жила на обширной фиванской вилле, где Креонт поселил их с Амфитрионом. Алкмена была женой верной и любящей, а потому Зевс решил возникнуть пред ней не в виде орла, козла, золотого дождя, медведя, быка или еще какого-нибудь зверя или явления, кем ему доводилось бывать в сладострастных приключениях, а в виде самого возлюбленного супруга Алкмены – Амфитриона¹⁹.

¹⁸ Дочь Пелопа и Гипподамии. Пелопу удалось выиграть в гонке на колесницах и заполучить руку Гипподамии, на которую якобы претендовал Полидект. Эту историю надо рассказать, но чуть погодя.

¹⁹ Хорошо известна похожая история из легенд о короле Артуре. Мерлин придает Утеру Пендрагону облик Горлуа, мужа

При полном вооружении, весь в дорожной пыли Зевс-Амфитрион пришел однажды вечером на виллу и объявил восхищенной Алкмене, что в Микенах он все уладил. Завороженная подробным рассказом о том, как ловко он устранил все трудности, с какими она отправила его разбираться, и обрадованная возвращением мужа целым и невредимым, Алкмена приняла его на своем ложе. Одну ночь Зевс удлинил до трех – чтобы насладиться вволю. Когда же утро наконец настало, он удалился.

Амфитрион – настоящий Амфитрион – вернулся в то утро из Микен и потрясенно обнаружил, что Алкмена уже знает о его триумфальной кампании во всех подробностях.

– Да ты мне вчера вечером уже все рассказал, мой милый дурашка-муженек, – сказала она. – А потом мы любились – ух как чудесно любились! И не раз, и не два – да с таким огнем, с такой силой. Давай еще.

Амфитрион несколько дней подряд пылил по дороге из Тиринфа к Фивам и как раз истосковался по любовным утехам, а потому выкинул из головы эти ее странные замечания и благодарно прыгнул к жене в постель.

Когда они намиловались, Алкмена не удержалась и вслух отметила разницу между тем, как Амфитрион любил ее этой и прошлой ночью.

– Шутить изволишь, – проговорил Амфитрион. – Вчера ночью я все еще был в пути. Спроси мое войско.

– Но...

У них состоялся долгий разговор, и они решили, что одному лишь ТИРЕСИЮ достанет мудрости и прозорливости, чтобы пролить свет на эту тайну. Глазами Тиресий не прозревал ничего, зато пророческим умом своим – все.

Слепой фиванский провидец выслушал по отдельности рассказы обоих супругов о событиях предыдущего вечера.

– Первым гостем в твоей постели был Отец-небо, Зевс, – сказал Тиресий Алкмене. – И теперь внутри тебя происходит нечто замечательное.

Он не ошибся. Переспав подряд с Зевсом и Амфитрионом, Алкмена забеременела от обоих. В утробе ее развивались близнецы, два сына – один от Зевса и один от Амфитриона. Это явление, полиспермия, у млекопитающих – кошек, собак или свиней, например, способных на одновременный приплод из нескольких детенышей, – встречается довольно часто, а вот у людей – редкость. Редкость – но не совсем уж невидаль. И достойно именуется *гетеропатеральной суперфекундацией*²⁰.

На горе Олимп ничто из этого не ускользнуло от внимания Геры. Никогда прежде не бывала Царица небес так взбешена мужниными интрижками. В ее глазах Зевсовы шашни с СЕМЕЛОЙ, ГАНИМЕДОМ, ИО, КАЛЛИСТО, Данаей, ЛЕДОЙ и ЕВРОПОЙ – ничто по сравнению с этим чудовищным, унижительным предательством. Может, эта неверность просто добила Геру, стала последней любовной соломинкой, сломавшей спину верблюдю, или, возможно, богиня почувствовала, что на сей раз Зевс увлекся по-настоящему, а особенно ее ошеломило, что все это произошло из-за ее сновидения, которым она поделилась с супругом. Как бы то ни было, неумолимо мстительная Гера наблюдала, как у Алкмены близится срок, и решила сделать все от нее зависящее, чтобы уничтожить плод настолько оскорбительного союза.

В том, чтобы подвернулась оказия для мести, Гера могла полагаться – еще как могла – на мужнино тщеславие. За ночь до того, как Алкмене рожать, Царь богов сидел на Олимпе, навеселе. Зевс есть Зевс, ничего не смог с собой поделать.

Игрэйны, они проводят вместе ночь, и у них рождается Артур...

²⁰ «Хотя на слух – сплошная констернация», – как спели бы, наверное, Мэри Поппинс и Берг-трубочист.

– Тот, кто родится следующим в доме Персея, будет править всей Арголой, – ляпнул он.

– Ты серьезно, супруг мой? – быстро переспросила Гера.

– Более чем.

– Поклянись перед всеми.

– Чего это?

– Если ты серьезно – клянись.

– Да пожалуйста, – сказал Зевс, растерявшись от такого напора, но уверенный, что все идет по плану. Алкмена же родит с минуты на минуту. – Объявляю тебе, – произнес он громко и отчетливо, – что следующий младенец рода Персея станет править Арголой.

Вы же помните о сыне Персея – Сфенеле? Гера знала, что жена Сфенела Никиппа тоже беременна, хотя всего лишь на седьмом месяце. Этого обстоятельства хватило бы, чтобы остановить почти кого угодно, однако Гера – не кто угодно. Она богиня супружеской верности, Царица неба и, что самое главное, обманутая жена. Ее воля – а второй такой, как у Геры, и не сыскать – дорогу себе проьет.

Гера призвала дочь свою ИЛИФИЮ, богиню родовспоможения²¹, и велела ей немедленно отправиться в Фивы, усесться в кресло при Алкмениной спальне, накрепко скрестить ноги и, не меняя позы, ждать дальнейших указаний. Эта поза в такой близости от беременной не даст Алкмене раздвинуть ноги и родить, а Гера знала, что через некоторое время дети, заточенные в утробе роженицы, задохнутся и умрут. Сама же Гера отправилась в Тиринф с зельем, чтобы Никиппа преждевременно родила их со Сфенелом сына.

Путаная, жестокая и мерзкая затея – зато ловкая и действенная. Силы волшебства, какими наделена была Илифия, и впрямь не дали Алкмене, корчившейся от боли, развести ноги. В Тиринфе же Никиппа успешно родила здорового мальчика, которого они с мужем назвали ЭВРИСФЕЕМ²².

Гера торжествующе вернулась на Олимп.

– Мой дорогой муж, – пропела она, – возрадуйся же. Родился мальчик, прямой потомок Персея – ни больше ни меньше!

Зевс широко улыбнулся:

– А, да. Я подумывал, что случится такое вот.

– До чего же восхитительные новости, – продолжала чирикать Гера. – Я так счастлива за эту пару. Сфенел – сын Персея, конечно же, но и у Никиппы род образцовый. Вот так родословная у ребенка. Не только от Пелопа он происходит, но и...

– погоди, погоди, погоди... Никиппа? Сфенел? Какое, к Аиду, отношение эти двое имеют к чему бы то ни было?

– Ой, я разве не сказала? – Вид у Геры был удивленный. – Никиппа со Сфенелом подарили миру сына.

– Н-но...

– И не придумать новости лучше, а? И теперь, как ты и поклялся, этот мальчик – названный Эврисфеем, – сын Сфенела и внук Персея, вырастет и станет править Арголой.

– Но...

– *Как ты поклялся*, – повторила Гера сладчайшим голосом. – При всех. И, *не сомневаюсь*, ты приглядишь за тем, чтобы этот мальчик *всегда* оставался невредим. Ибо слово твое

²¹ Также Эйлития. Илифию изображали в виде женщины с факелом, символизирующим жгучие муки деторождения, или рисовали ей вскинутые вверх руки – она возносит новорожденного к свету. У римлян она называлась Люцина или Натио.

²² Эврисфей означает «широкоплечий» – возможно, когда он появлялся на свет, Никиппе от боли пришлось несладко.

закон, и великий Космос возопит, Олимп сокрушится, а боги падут, сглупи ты и пойдешь против собственного слова.

– Я... я...

– Ротик открылся, дорогой, и с бороды слюна капает прямо тебе на коленки. Очень непривлекательно. Не прикажешь ли Ганимеду подать тебе салфетку?

Зевса обставили мастерски. Гера знала – знал и сам Зевс, – что придется чтить клятву и позволить этому неожиданному внуку Персея, этому Эврисфею, править Арголой – объединенными землями Микен, Коринфа, Аркадии и Аргоса. Все планы, которые понастроил Зевс для их с Алкменой сына, теперь того и гляди рухнут. Несчастный пацан родится мертвым, и Гера возьмет верх. Во вражде между мужем и женой ни один не даст противной стороне победить, будь на то их воля, но Зевсу не шло на ум, что делать дальше. Он сидел на троне и мрачно размышлял.

И Зевсу, и всему ходу истории повезло: Алкмена была милой не только внешне, но и обхождением. Хорошие люди притягивают верных, любящих друзей, и не было ни у кого более верных и любящих подруг, чем две женщины, что прислуживали Алкмене, – ГАЛАНФИДА и ИСТОРИДА. Семь дней и семь ночей смотрели они, как их несчастная подруга и хозяйка мучается от растущего в ней бремени. Наконец Историда, очень сообразительная дочь Тиресия, измыслила план.

Илифия сидела за дверью, окаменев, точно статуя, туго скрестив ноги и размышляя, сколько еще надо ждать, чтобы ребенок внутри Алкмены наверняка умер, и тогда встать уже наконец, чтобы кровь возобновила свой бег у нее в бедрах.

Вдруг из спальни донеслись крики. Уж не новости ли это, которых она ждет? Двери Алкмениной комнаты распахнулись, и выбежала Галанфида, хлопая в ладоши и вопя, но не от отчаяния, а от *радости*.

– Несите вести! Несите вести! – вопила она. – Владычица родила! Счастье-то какое, счастье!

Оторопев, Илифия вскочила.

– Быть того не может! – вскричала она. – Покажи!

Слишком поздно осознала она, что ее обманом вынудили встать и расплести ноги. В распахнутую дверь она видела Историду при Алкмене, роженица раздвинула ноги и тужилась. Появился сперва один, а за ним и второй малыш, оба сотрясали воздух здоровым залиvistым плачем. Потуже запахнувшись в свои одеяния, Илифия дала деру. Она прекрасно знала, каким мощным бывает гнев Геры.

Ярость Геры, обнаружившей, что произошло, и впрямь оказалась дикой. Свирепым взмахом руки она превратила дерзкую подлую Галанфиду в ласку²³.

Никогда прежде не переживала Гера такого предательства и унижения. В тот миг она поклялась вечно враждовать с сыном Алкмены и Зевса.

Но который из двух близнецов от Зевса, а какой – от Амфитриона? Оба хорошенькие младенцы, энергичные, сильные и – как можно предположить, раз их восемь дней передержали в утробе, – довольно увесистые. Родители души в них не чаяли; первого появившегося из материнской утробы назвали Алкидом, в честь деда Алкея, сына Персея, а второго – ИФИКЛОМ²⁴. Глядя на отпрысков, не понимали они, кто из них – сын смертного, а кто – бога.

Но вскоре все узнали, кто тут сын Зевса.

²³ Историду Герин гнев почему-то обошел стороной. Возможно, ей хватило ума спрятаться.

²⁴ Ἰφι- означает «сильный» или «могучий» (ср. Ифигения, «сильного рождения»), а – κλῆς означает «гордость» или «слава». Судя по всему, «ифи» – еще и небольшая египетская единица измерения сыпучих продуктов, известная грекам, она соответствует примерно 1–1,5 галлона. Возможно, кличка у него была «Достославный Полупинт».

Змеюшки светы

Виллу, какую царь Креонт предоставил Амфитриону и Алкмене, пока те жили в Фивах, заливал в ночном безмолвии лунный свет. И лишь внимательнейший часовой с восприимчивым чутьем заметил бы, как самую малость раздвинулась высокая трава у дальних границ владений и по лужайке к террасе скользнули две бирюзовые змеи.

Гера не желала терять время и обрушила свою месть на дерзкое смертное дитя, что посмело родиться. Нимало не интересуясь, который из близнецов незаконнорожденное чадо ее мужа, наслала она двух ядовитых змей – пусть прикончат обоих мальчиков.

Встревоженная ласка бессильно наблюдала, как змеи проползли по террасе к комнате со спящими младенцами. Ничего тут Галанфида поделывать не могла – лишь надеяться и молиться.

Наутро Амфитрион с Алкменой пробудились от заполосных воплей Историда.

– Скорей, скорей! – звала она, стягивая с них одеяла.

Переполошившись, они вбежали за вопившей девушкой в детскую, и их глазам открылось необычайное зрелище. Младенцы лежали в кроватке. Лицо у одного было перекошено страхом и пунцовело от крика.

Второй лежал на спине и сучил ножками в воздухе. В каждом пухлом кулачке ребенок сжимал удушенную змею. Глянул на родителей, склонившихся над ним, и помахал им дохлыми гадюками, как игрушками, радостно курлыча²⁵.

– Так, – сказал Амфитрион, переводя взгляд с одного младенца на другого. – Похоже, можно с уверенностью сказать, кто тут сын Зевса.

– Алкид.

– Именно.

– Это все Гера, – сказала Алкмена, поднимая из колыбели Ификла и утишая его перепуганные всхлипы. – Змей наслала она. Ни перед чем не остановится, чтобы прикончить моих деток.

– Это несправедливо по отношению к Ификлу, – ярился Амфитрион, ласково беря своего настоящего сына за подбородок. – Надо еще раз потолковать с Тиресием.

За советом к старцу они отправились тем же вечером. Пока их не было, бог Гермес тихонько пробрался в детскую, вынул Алкида из люльки, прилетел с ним на Олимп и вручил ребенка ждавшей их Афине.

Боги прокрались туда, где спала Гера. Афина осторожно опустила малыша Алкида Гере на грудь. Тот немедленно присосался. Однако насыщался он от нее с таким пылом, что Гера проснулась с воплем боли. Глянула вниз, оторвала Алкида от своего соска и с отвращением сбросила ребенка с себя. Молоко брызнуло из груди широкой дугой через все небо и усеяло его звездами. Звездами, которые с тех пор именуются Млечным Путем²⁶.

Гермес ловко подхватил малыша и поспешил обратно в Фивы – вернуть ребенка в люльку, прежде чем кто-нибудь заметит пропажу.

Вся эта неудавшаяся проказа – Зевсова затея. Он хотел, чтобы его сын Алкид напился Гериного молока, а это сделает его бессмертным. Его любимые сын и дочь, Гермес и Афина,

²⁵ Было бы мило, если бы те змеи были гремучими, и вот так возникла традиция давать новорожденным погремушки, но, увы, нет никаких подтверждений, что этот биологический вид когда-либо обитал за пределами Америк.

²⁶ Звучит нелепо, зато правда. Млечный Путь – галактика, а слово «галактика» происходит от греческого *гала*, то есть «молоко». Отсюда и «галактический», и, по всей видимости, молочный шоколад «Гэлакси». [«Galaxy» (с 1960) – марка британского молочного шоколада, производимого компанией «Марс», продается во многих странах мира, но в США, Канаде, Мексике, некоторых европейских странах и в России этот шоколад предлагается под маркой «Dove» (голубка, *англ.*) – Приемч. перев.]

очень старались, но Алкиду удалось насосать лишь полный рот молока, и повторно ввязываться в такое никто не желал²⁷.

Тем временем в храме Тиресия Алкмена с Амфитрионом слушали совет провидца.

– Вижу, творить Алкиду чудесное, – говорил он. – Сражать ужасных чудовищ. Свергать тиранов и основывать великие династии. Он достигнет такой славы, какой ни один смертный никогда не ведал. Другие боги станут помогать ему, но Гера будет изводить и преследовать его безжалостно.

– Можно ли хоть как-то ее умиловить? – спросила Алкмена.

Тиресий задумался.

– Ну, есть один способ. Можно попробовать сменить мальчику имя.

– Сменить имя? – переспросил Амфитрион. – Какой от этого толк?

– А что, если назвать его «Славой Геры», например? Или «Гордостью Геры».

На том и порешили. С тех пор Алкида стали звать Гераклом²⁸.

²⁷ Гера сама была матерью, и поэтому у нее могло быть молоко; Афина, богиня-девственница, накормить младенца не сумела бы.

²⁸ Римляне, как и многие из нас в повседневной речи, называли Геракла *Геркулесом*, но в книгах его все же принято называть Гераклом.

Юность героя и его образование

Юный Геракл рос вместе с братом Ификлом. Амфитрион и Алкмена растили их как равных, но из-за скорости, с которой Геракл набирал рост, вес и мышечную массу, окружающие довольно быстро начали воспринимать мальчиков очень по-разному.

Близнецы получили образование, в то время обычное для отпрысков благородных кровей. В вождении колесниц, метании копья и диска, беге – обычном и с препятствиями – их натаскивал Амфитрион. ЭВРИТ, царь Эхалии, знаменитый на всю Грецию лучник, внук самого бога-лучника Аполлона, учил Геракла натягивать тетиву и пускать стрелы быстро и точно. К своим десяти годам Геракл уже заслужил репутацию могучего бегуна, прыгуна, наездника, колесничего, копейщика и лучника. Впрочем, было замечено, что Геракл приветлив и дружелюбен, но вместе с тем – натура вспыльчивая и свирепая. Когда падала ему на глаза багровая пелена, унять его не мог никто, кроме отца.

Помимо воспитания физических способностей, в образовании благородных юных греков важнейшее место занимали риторика, математика и музыка, и среди знатных семей предметом гордости было обеспечение ребенка лучшими учителями. ЛИН, брат ОРФЕЯ и тоже превосходный музыкант, учил Геракла и Ификла настраивать лиру и играть на ней, сочинять музыку и петь, выстукивать точные ритмы и танцевать. Никакие из этих изящных искусств Гераклу не давались легко, его злило, каким робким, неловким и неумелым он себя ощущал, пытаясь спеть в ноты или станцевать в ритм. Пришел день, когда Лин, взбешенный отказом Геракла слушать его наставления, вскинул палку и приложился к спине мальчика. В сознании Геракла разразилась буря; он схватился за палку и с диким ревом дернул ее на себя, лицо Лина при этом оказалось прямо перед Геракловым. Геракл мотнул головой, расшиб наставнику лоб, а затем швырнул его в угол. Лин упал замертво – ему переломало все кости рук, ног и спины.

Такой скандал не скроешь, но в конце концов Геракла простили. Ификл присутствовал в классе и потом рассказывал всем и каждому, что его брата возмутительно спровоцировали. Обучение продолжил ЭВМОЛП, сын АВТОЛИКА²⁹. В то же время сам КАСТОР, брат-близнец ПОЛИДЕВКА и, как и Геракл, плод божественной гетеропатеральной суперфекундации³⁰, предложил довести до совершенства навыки юноши во владении оружием и в мужских искусствах.

Убийство Лина показало, что запал у Геракла очень короткий, и в дальнейшие годы это свойство допекало и самого Геракла, и многих жертв его вспыльчивости. В оставшиеся годы обучения выяснилось, что... как бы помягче выразиться?... выяснилось, что пусть природа и судьба³¹ и наделили Геракла многими прекрасными – качествами, но смекалка и мудрость, хитрость и находчивость среди них не значились. Был он, как мы бы ныне сказали, не самым ярким пикселем на мониторе. Отнюдь не тупица, Геракл вовсе не был безмозглым болваном, но нешуточная сила его состояла в... его нешуточной силе.

Ибо одно можно сказать с уверенностью и восхищением: ближе к концу своего второго десятка Геракл стал самым высоким, широкоплечим, сильным и быстрым юношей на белом свете. Боги, вступившиеся за него когда-то, выказали ему знаки своего благоволения, оснастили его для воинской жизни, для испытаний и преодолений. Афина преподнесла ему тунику, Посейдон – великолепных лошадей, Гермес – меч, Аполлон – лук и стрелы, ГЕФЕСТ – чудеснейшую нагрудную пластину из чистого золота.

²⁹ Больше подробностей об Автолике, сынке-прохиндее бога Гермеса, можно найти в «Мифе».

³⁰ Об этих близнецах, именуемых Диоскурами, мы вскоре узнаем больше.

³¹ Природу и судьбу греки обозначили бы словами *физис* и *мойра*.

Крепнувшую репутацию юноши окончательно упрочила его победа над свирепым львом с горы Киферон, когда Гераклу было всего восемнадцать лет³². Сорок девять дней выслеживал он того ужасного зверя; царь Феспий, благодарный повелитель города Феспии³³, чьи владения страдали от этой напасти более всего, наградил Геракла за его героические усилия, отправляя к нему еженощно по одной из своих пятидесяти дочерей.

Когда наконец занялась заря пятидесятого дня, льва изловили и убили. В тот вечер, в пятидесятый раз насладившись очередной дочерью царя, Геракл отправился домой. Каждая дочь позднее родила по мальчику, а старшая и младшая дочери – по паре близнецов. По сыну на каждую неделю года. В занятиях любовью Геракл был столь же зрел и могуч, как и в смертоубийствах.

Вернувшись, Геракл единолично защитил Фивы от нашествия войск царя ЭРГИНА Орхоменского. Народ Фив и прежде гордился Гераклом, но теперь гордость переросла в обожание. Они преклонялись перед ним как перед величайшим фиванцем со времен Кадма, основателя города. Будь их воля, они сделали бы Геракла своим царем. Но у Фив уже был царь – Креонт, а ему хватило ума и политической хитрости, чтобы предложить Гераклу руку своей дочери Мегары³⁴.

И все-то вроде гладко складывалось у молодого Геракла. Слава его росла и ширилась, шли счастливые годы, у них с Мегарой родились сын и дочка, Геракл возмужал как преданный супруг и отец – и очень вероятный наследник фиванского престола.

³² Киферон в разных источниках то гора, то горная цепь. На этой горе, священной для Диониса, Пенфея порвали на части его мать и тетушки, а Актеона – его же гонимые (см. «Миф»). Мы еще увидим, что Киферон сыграет важную роль в жизни и трагической судьбе Эдипа.

³³ Не путать с историческим Феспидом, первым актером Греции.

³⁴ С Креонтом мы еще встретимся, когда дойдет черед до истории Эдипа.

Преступление и наказание

Жизнь Геракла в Фивах была едва ли не столь же динамичной, как наша с вами сегодня. Каждый день он целовал на прощанье жену свою Мегару и детишек и отправлялся на работу – убивать чудищ и свергать тиранов. Нынешний служащий на полной ставке, возможно, находит менее радикальные способы сражать соперников по рынку и тварей-коллег – драконы, которых мы убиваем, скорее метафорические, нежели настоящие, – однако подходы и распорядок дня не очень-то разнятся.

Одним роковым вечером Геракл вернулся на семейную виллу и на пороге наткнулся на двух маленьких, но свирепых демонов с горящими глазками. Он тут же ринулся за ними, завалял наземь, переломал им хребты и топтал их вопившие головы, пока растерзанные демоны не испустили дух у его ног. Тут из дома на Геракла с воем вылетел громадный дракон, дыша огнем из пасти и ноздрей. Геракл бросился на дракона, сомкнул руки на его чешуйчатой шее и стиснул ее изо всех сил. И лишь когда жизнь покинула чудище и дракон пал мертвым на пол, развеяла Гера морок, какой навела на Геракла. Оглядевшись, увидел он с отвратительной ясностью, что дракон, которого он убил, – это жена его Мегара, а демоны – любимые детки.

То было едва ли не самое жестокое Герино вмешательство, знак бездонной глубины ее ненависти. Вид ее заклятого врага, его такой счастливой и полной жизни, раздражал ее все больше и больше. Она решила низвести Геракла до полного ничтожества, забрать одним стремительным и необратимым жестом и тех, кого он больше всего любил, и его репутацию. Когда вести о его поступке расползлись по округе, с Гераклом перестали разговаривать, к нему даже не приближались. Он замаран. Из князя в грязь – оборот затасканный, но никто прежде не ощущал такую стремительную смену всеобщей любви и обожания на ненависть и презрение.

Горю Геракла не было пределов. Он мечтал умереть. Но знал, что обязан покарать себя – претерпеть безжалостное наказание. Лишь тогда окажется он достоин встречи с душами Мегары и детей в загробном мире. Без очищения, дарованного царем, оракулом, жрецом или жрицей, повинные в преступлениях против родственников вынуждены пытаться очиститься самостоятельно – живя изгнанниками во искупление. Если не удастся отмыться от своих преступлений, эринии – дикие фурии – вознесутся из Эреба и станут гоняться за преступившим, стегать его железными хлыстами, пока не сойдет он с ума.

Геракл ушел из Фив и пополз на коленях³⁵ в Дельфы просить наставлений.

– Чтобы искупить это чудовищное преступление, Гераклу надлежит прийти в Тиринф и простереться перед троном, – нараспев произнесла пифия. Геракл не мог знать, что жрицу зачаровала Гера и слова эти – Герины. – Десять лет служить ему беспрекословно, – продолжила жрица. – Что бы ни велели ему, Гераклу следует сделать это. Какую бы задачу ни поставили ему, Гераклу положено с готовностью выполнять. Лишь после этого быть ему свободным.

Дух Геры оставил жрицу, и жизнь в ее голос вдохнули³⁶ теперь Аполлон с Афиной.

– Выполни все, что велено будет, безоговорочно, не жалуясь, и достигнешь бессмертия. Твой отец обещал это.

В бессмертии Гераклу надобности не было, но он понимал, что подчиниться придется в любом случае. Двинулся он по дороге к Тиринфу, столице Микен. Тамошним царем теперь стал уже взрослый Эврисфей, дальний родич Геракла, тот, чье преждевременное рождение много лет назад устроила Гера, чтобы помешать замыслу Зевса обеспечить трон Гераклу.

³⁵ Практика умерщвления плоти, и бытует она до сих пор. Я видел своими глазами, как кающиеся на коленях приходят к святыню Мадонны Гваделупской в Мексике. Некоторые преодолели на коленях сотни миль. Совсем не Гераклы на вид, это обыкновенно древние крошечные старушки.

³⁶ Вдохновение – энтузиасмос – буквально «божественная одержимость».

У Эврисфея никаких героических свойств Геракла не имелось – ни силы, ни отваги, ни щедрости, ни властности. Вырос он премного осведомленным о репутации своего более сильного, умелого и любимого в народе родственника, а потому уже давно в нем тлели ненависть, зависть и обида.

Сколько самообладания потребовалось Гераклу, чтобы склонить колени перед тронном Эврисфея и взмолиться об искуплении, мы можем только догадываться.

– Мерзость твоих противоестественных преступлений отвратила всех, в ком живо чувство, – произнес царь, упиваясь каждым мгновением. – Не достоин ты будешь жизни в мире людском, пока не расплатишься сполна. Десять задач ты исполнишь для меня за десять лет без всякой помощи или платы. Когда справишься с последней, я, возможно, соизволю простить тебя, обнять как моего сородича и даровать тебе свободу. Но до тех пор ты у меня в рабстве. Сама Царица неба так повелела. Все ясно?

Свое орудие Гера настроила умело.

Геракл склонил голову.

Подвиги³⁷ Геракла

1. Немейский лев

Эврисфей потер подбородок и крепко задумался. Уж если помыкать своим неукротимым родственничком и задавать ему полезную работу, начинать имеет смысл дома. Эврисфей правил не только Микенами, но и благодаря опрометчивой клятве Зевса всей Арголоидой, а ее держали в ужасе всякие дикие твари³⁸.

Самый очевидный ужас наводил лев, нападавший на жителей Немей на северо-востоке царства, неподалеку от Коринфского перешейка. Страх перед этим жутким зверем не позволял странникам и купцам с материка торговать с Арголоидой и остальным Пелопоннесом. Отпрыск чудища ХИМЕРЫ³⁹, то был не простой лев. Золотая грива его была так густа, что копья и стрелы отскакивали от нее, словно соломинки. Когти остры, как бритва, доспехи они способны драть, как бумагу. Камень для этих могучих челюстей – все равно что сельдерей. Многие воины уже сгнули, пытаясь усмирить Немейского льва.

– Отправляйся в Немею, – сказал Эврисфей Гераклу, – и убей льва, что разоряет тамошние края.

Какая жалость, подумал про себя Эврисфей и хихикнул. Не выйдет мне десять лет гонять его. Эта вот первая задачка его доконает. Ну, ничего не попишешь.

– Просто убить? – переспросил Геракл. – Доставлять не надо?

– Нет, незачем его доставлять. Что мне прикажешь делать со львом?

Геракл выпрямился, поклонился и покинул тронный зал, а Эврисфей постукал себя пальцем по виску – под взрывы раблепного смеха придворных.

– Ручищи-то как дуб, а мозги – с желудь, – проговорил царь и фыркнул.

Несколько месяцев преследовал Геракл зверя, как ему уже приходилось много лет назад, когда он охотился за Феспийским львом. Геракл понимал, что его оружие, какого бы устрашающего божественного происхождения ни было, против неуязвимой шкуры этого животного бессильно. Придется полагаться на голые руки, а потому все эти месяцы Геракл неустанно тренировался. Выкорчевывал деревья и поднимал над головой валуны, пока его тело, и без того могучее, не сделалось небывало сильным.

Когда понял, что готов, Геракл выследил льва до его логова. Бросился на громадное чудище и завалил на землю. Вцепившись крепко, Геракл не дал ему вырваться и пустить в дело когти или челюсти. Что льву его непроницаемая шкура против железной хватки Геракла на львиной глотке? Не один час катались они в пыли, пока жизнь наконец не покинула великого Немейского льва и он не перестал дышать.

Геракл встал над телом зверя и склонил голову.

– Это был честный бой, – проговорил он. – Надеюсь, ты не мучился. Надеюсь, ты простишь меня за то, что я сейчас спущу с тебя шкуру.

³⁷ По-гречески они называются эрга или, чаще, *атлои* [или *афлои* – *примеч. перев.*] Геракла. Слово «эргон» попросту означает «работа», а вот «афлос» значит не просто усилие – там есть еще оттенок смысла «испытание». Наши слова «атлет» и «атлетический» происходят от него.

³⁸ Рискуя окончательно свести вас с ума, вдамся еще раз в подробности фамильного древа этой семьи. Отцом Эврисфею приходился Сфенел, следовательно, Эврисфей – внук Персея. Как и Геракл, чьи родители Алкмена и Амфитрион были двоюродными родственниками и оба – внуки Персея. Но, разумеется, Зевс на самом деле отец Гераклу – так же, как и Персею. Соответственно, Персей Гераклу одновременно и прадедушка, и единокровный брат. Во дают греки, а?

³⁹ Подробнее об этой твари – в разделе, посвященном приключениям Беллерофонта.

Подобное почтение к врагу, пусть он и зверь безответный, было Гераклу свойственно. Пока противник жив, Геракл не ведал пощады, но врага погибшего он в загробный мир отправлял, где это удавалось, церемонно и с почестями. Есть ли у животных душа или последующая жизнь, даже у тех, что произошли от первородных существ вроде Ехидны или Тифона, Геракл уверен не был, но вел себя с ними так, будто все это у них есть. Чем отчаяннее они сражались, тем проникновеннее и почтительнее были Геракловы погребальные молитвы.

Презрение Эврисфея ранило Геракла. Он хотел снять шкуру со своей добычи и победно доставить ее в Микены, потому и попросил разрешения у дохлого льва. Но обнаружилось, что ни самые острые ножи, ни мечи даже царапины не оставляют на неуязвимой шкуре. Наконец Гераклу пришла в голову мысль выдернуть у льва его бритвенные когти. Они оказались удивительно остры, и Геракл с их помощью снял со льва большой кусок шкуры вместе с головой. Смертоносные когти нанизал он в ожерелье, а в припадке безумной радости выдернул самый могучий дуб, какой нашел в округе, обломал с него ветки и сделал себе исполинскую дубину.

С ожерельем из когтей, в непробиваемой шкуре на плечах, на голове – раззявленная челюсть и выпученные глаза, на боку – могучая дубина: Геракл обрел свой имидж.

2. Лернейская гидра

Эврисфей не ожидал, что Геракл уцелеет, да еще и вернется облаченным, как дикий разбойник с гор. Впрочем, царю хватило хитрости скрыть свою растерянность.

– Да... этого следовало ожидать, – проговорил он, подавляя зевоту. – Пожилой лев – никакое не испытание. Перейдем к следующей задаче. Ты слышал об озере Лерна, тут, неподалеку? Его окрестности разоряет гидра, что стережет врата в загробный мир. Мне бы и в голову не пришло вмешиваться, если бы тварь эта не взялась убивать ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей, стоит им приблизиться. Мне недосуг разбираться самому, поэтому я отправляю тебя, Геракл, избавить нас от этой напасти.

– Как прикажешь, – сказал Геракл, кивнув, отчего пасть Немейского льва люто щелкнула сомкнувшимися челюстями. Эврисфей невольно вздрогнул с перепугу.

С плохо скрываемой ухмылкой презрения Геракл развернулся и вышел.

Богиня Гера подготовила озеро Лерна со злорадным упоением. В водах озера обитала не только гидра, громадный водяной змей с девяти головами (одна из них бессмертная), каждая способна метать струи самого смертоносного яда на свете, – в глубинах Лерны Гера спрятала свирепого исполинского краба.

Не успел Геракл приблизиться, как гидра вскинулась, и все ее головы изрыгнули яд⁴⁰. Геракл довольно уверенно бросился вперед и отсек одну голову начисто. Из обрубка тут же выросли две новые головы.

Похоже, все будет непросто. Всякий раз, когда Геракл отсекал или мозжил дубиной голову гидры, на том же месте возникали две. Что еще хуже, из воды принялся выскакивать и свирепо нападать краб. Его великанские клешни вновь и вновь тянулись к Гераклу, пытаясь распороть ему брюхо и выпотрошить его. Отскочив в сторону, Геракл изо всех сил ударил дубиной и расколол панцирь чудовища на тысячи осколков. Раздавленная тварь приподняла оклизлую тушу, затрепетала и рухнула замертво. Гера вознесла свое любимое ракообразное к звездам, где оно сияет и поныне – созвездием Рака. Но богиня все равно была довольна. Ее обожаемая гидра вершит месть за нее. У змея было уже двадцать четыре головы, и каждая плевалась убийственным ядом.

⁴⁰ На греческой керамике гидра обычно изображена в виде перевернутого вверх тормашками осьминога: круглое или иногда похожее на пончик туловище, из которого торчат девять змей. В современных комиксах гидра больше похожа на девятиглавого дракона.

Геракл тактически отступил. Присел на безопасном расстоянии и задумался, что делать дальше, – и тут из-за деревьев появился его племянник ИОЛАЙ, сын Гераклова брата-близнеца Ификла.

– Дядюшка, – сказал он, – я наблюдал за боем с самого начала. Если Эврисфею можно обременять тебя дополнительным испытанием, значит, мне разрешено помочь тебе. Позволь, я буду твоим оруженосцем.

По правде сказать, вмешательство краба изрядно досадило Гераклу. Уговор был, что по одному испытанию за раз. Добавление второй – неожиданной – опасности показалось ему несправедливым. Он принял предложение племянника, и вместе они измыслили новый порядок атаки. Я склонен думать, что затея эта пришла в голову скорее Иолаю, нежели Гераклу, человеку действия, человеку страсти, человеку беспредельной отваги, но совсем не придумщику.

Замысел сводился к систематическому подходу к гидре: Геракл нападает, отсекает голову, а Иолай тут же бросается вперед с горящим факелом и прижигает свежий срез, тем самым не давая возникнуть новым головам. Отрезали, прижгли, отрезали – вот какую они разработали систему, и она оказалась действенной.

Через несколько часов утомительных и отвратительных усилий осталась лишь одна голова – бессмертная, не способная погибнуть. Наконец Геракл отрубил и ее и закопал глубоко под землю. Ядовитые пары гидры курятся над тем местом, где прежде были воды озера Лерна, и по сей день.

– Спасибо тебе, – сказал Геракл Иолаю. – А теперь отправляйся домой. И ни слова отцу. – Геракл знал: братец рассердится, если узнает, что его сын подвергся такой опасности.

Выказывать почтение гидре Геракл не пожелал. В конце концов, бессмертная голова оставалась жить и исторгала под землей свой яд. Геракл преклонил колени рядом с подергивавшимся телом не из почтения, а чтобы обмазать наконечники своих стрел густевшей кровью. Отравленные стрелы принесут неимоверную пользу – и неимоверные беды.

Мир изменится от их применения.

3. Керинейская лань

Эврисфей подключил коварство. Водяной змей – одно дело, но даже Гераклу не тягаться с олимпийцем.

– Излови мне золотую лань Керинеи⁴¹, – велел он.

Никаких сомнений, что этот третий подвиг уж точно станет для Геракла последним, ибо успех означал бы для него неминуемую смерть – ну или по крайней мере вечные муки.

Златорогая медноногая Керинейская лань никакого вреда никому причинить не могла. Стремительнее любой гончей или стрелы, охотников она раззадоривала, но ничем не угрожала. Однако лань эта была священной для Артемиды, и опасность состояла как раз в *этом*. Сви-репость, с которой богиня берегла свое и наказывала любое святотатство против нее самой и своих приближенных, была хорошо известна. Артемида ни за что не допустит никакого вреда любимой лани. Гераклу либо не удастся эту задачу решить, либо Артемида сразит его за наглость. Как бы ни вышло, Эврисфей был уверен, что его пакостный родственничек не вернется.

Почти год носился Геракл за своей добычей по горам и, как легко предположить, долам. Наконец у него получилось набросить на животное сеть и усмирить его.

Обижать столь робкое и красивое создание Гераклу совершенно не хотелось. Он осторожно закинул лань себе на плечи и, пока возвращался в Микены, нашептывал ей всякое.

⁴¹ Керинейя ныне расположена на северо-западе Пелопоннеса в области под названием Ахей. «Ахейцами» Гомер чаще всего называл греческую сторону в Троянской войне.

В каком-то лесу из теней перед Гераклом возникла Артемида.

– Ты посмел? – процедила она сквозь зубы, вскидывая серебряный лук.

– Богиня, богиня, отдаюсь на милость твою. – Геракл встал на одно колено.

– На милость? Знать не знаю такого слова. Приготовься умереть.

Артемида прицелилась, но тут из чащи выступил ее брат-близнец Аполлон и наложил руку на Артемидин лук.

– Ладно тебе, сестра, – проговорил он. – Ты разве не знаешь, что это Геракл?

– Да будь он хоть наш отец, сам Податель бурь, я бы пристрелила его за покражу моей лани.

– Понимаю, – произнес Геракл смиреннейше. – Это чудовищное святотатство, но я связан словом с царем Эврисфеем, и это он приказал мне изловить животное. Волею Геры подчиняюсь я Эврисфею.

– Волею Геры?

Аполлон с Артемидой посовещались. Отношения с детьми Зевса от других женщин⁴² были у Царицы неба в лучшем случае натянутыми, и жизнь близнецов легче от этого никогда не становилась. Помочь ее врагу показалось им забавным.

Артемида обратилась к Гераклу.

– Можешь идти своей дорогой, – молвила она. – Но как покажешь мою лань при дворе в Микенах, сразу же верни ее в родную среду.

– Мудрость твоя равна твоей красоте, – сказал Геракл.

– Ох батюшки, – произнес Аполлон. – Такая вот лесть – совсем не путь к сердцу моей сестры. Проваливай.

Эврисфея потрясло, что Геракл вернулся с этим великолепным животным, и объявил, что вот она, жемчужина его личного зверинца. Помня о своем обещании Артемиде, Геракл откликнулся:

– Само собой, мой царь. Иди же сюда, она твоя.

Эврисфей приблизился, и тут Геракл под прикрытием своей накидки из шкуры льва резко ущипнул лань за круп. Эврисфей скакнул, чтобы поймать ее, когда она загарцевала, но лань резко вскрикнула и унеслась прочь, высекая искры из каменного дворцового пола медными копытами.

– Ты провалил эту задачу! – взревел Эврисфей.

– Государь, я доставил лань, как и договаривались, – возразил Геракл. – Очень жаль, что тебе не хватило прыти удержать ее, но я за это не в ответе. – Тут он обратился к придворным: – Я же выполнил все, что от меня требовалось?

Ропот согласных голосов не дал Эврисфею излить свои истинные чувства.

Временами Гераклу все же удавалось явить нечто, близкое к подлинной хитрости.

4. Эриманфский вепрь

Далее Гераклу велели привести в Микены живьем исполинского вепря, что разорял окрестности горы Эриманф в Аркадии.

Сам по себе этот подвиг не был величайшим испытанием для Геракла, и пересказывать его вряд ли стоило бы вообще, если бы не одна частность. Она не только показывает, до чего неуклюжим и непривлекательным может быть Геракл, но и, можно с осторожностью считать, стала первой в череде обстоятельств, приведших к ужасной смерти героя.

⁴² О непростых обстоятельствах их рождения см. «Миф».

Привычки вепря Геракл решил выведать у своего друга – жившего неподалеку кентавра ФОЛА. Потомство ИКСИОНА и богини облаков НЕФЕЛЫ⁴³, кентавры – гибридная порода. От головы до талии это человек, а вот ниже – целиком конь. Искусные лучники, свирепые и смелые воины, однако часто злобные, буйные и похотливые, если выпьют. Громадное исключение – ХИРОН, мастер врачевания, мудрый наставник АСКЛЕПИЯ⁴⁴, а позднее и Ясона с АХИЛЛОМ, а также друга Геракла Фол. Хирон – бессмертный отпрыск Кроноса и океаниды ФИЛИРЫ, тогда как смертного Фол породил СИЛЕН, пузатый спутник Диониса, с некоей мелией, нимфой ясеня. Фол отсоветовал Гераклу ловить Эриманфского вепря до зимы.

– Лови его, когда в снегу увязнет, – так лучше всего, – сказал кентавр. – Иначе он тебя растопчет в лоскуты. А пока, может, поживешь у меня в пещере?

Геракл такому приглашению только рад был. Однажды ночью после ужина он приложился к каменному кувшину с вином. Ему неоткуда было знать, что это вино – общая собственность всего племени кентавров. Запах вина привлек других кентавров, и они явились за своей долей. Вспыльчивого Геракла это вывело из себя (возможно, и то, что сам он был навеселе, сыграло свою роль), и началась некрасивая ссора. Ссора переросла в потасовку, а потасовка – в смертоубийство: Геракл разразился градом стрел, наконечники у которых, как вы помните, были смочены в смертельно ядовитой крови гидры⁴⁵. Даже несчастный Фол погиб, когда Геракл всадил ему стрелу в ногу, проткнув кожу над копытом и загнав кентавру в кровь достаточно яда, чтобы Фол умер. Несколько аркадийских кентавров уцелело. Среди них – НЕСС, и позднее он, как мы еще увидим, возьмется отомстить за эти смерти – самым ужасным манером.

Геракл же, растерявшийся и раскаявшийся, помог похоронить убитых, после чего вернулся мыслями к поставленной ему задаче – поимке вепря. Снег уже укрыл верхние склоны горы, и вепря Геракл выследил и загнал в глубокий снежный намет, закинул на плечи и потопал обратно в Микены.

Когда Геракл вернулся с вепрем, тот был более чем жив, и Эврисфей так испугался этого громадного зверя, что запрыгнул в большой каменный кувшин и притаился в нем.

– Что велишь с ним делать?

– Унеси.

– Ты разве не желаешь рассмотреть его поближе? У него очаровательная щетина.

– Унеси его прочь *сейчас же*!

Голос Эврисфея загудел эхом в кувшине.

Эту сцену обожали греческие мастера росписи горшков – им нравилось изображать перепуганного Эврисфея, съевшегося в пифосе, а рядом Геракла, грозящего уронить на царя исполинского вырывающегося свина.

5. Авгиевы конюшни⁴⁶

На полпути к окончанию – ну или так, во всяком случае, Гераклу казалось (мы еще пересечем этот мучительный мост, когда придет пора) – и Эврисфей действительно считал, что на сей раз, на сей раз ставит Гераклу задачу, которую тот ни за что не выполнит. Даже если не

⁴³ История Иксиона изложена в «Мифе». О Нефеле и Хироне еще пойдет речь в истории Ясона, а с кентаврами мы увидимся вместе с Тесеем.

⁴⁴ См. «Миф».

⁴⁵ По некоторым версиям этой истории, стрела Геракла нечаянно оцарапала самого Хирона и он чудовищно мучился от боли. Лишь он один в своем племени родился от Кроноса и потому был бессмертен. Перспектива жить вечно в таких страданиях показалась ему невыносимой. Он умолил богов дать ему умереть, и Зевс это желание удовлетворил, забрав Хирона на небо созвездием Стрельца – лучника в виде человека-коня. Это вопиющий пример временной нестыковки: Хирон позднее будет наставником Ахилла, а тому еще только предстоит родиться.

⁴⁶ Согласно «Описанию Эллады» Павсания (кн. V, гл. 1, строфа 10), Авгий велел Гераклу очистить земли Элиды от скопившегося навоза быков и коз. – *Примеч. перев.*

сгинет при исполнении, приговаривал царь про себя со злорадством, все равно лишится вечной жизни. В конце концов, оракул сказал Гераклу, что *выполнение* всех задач подарит Гераклу бессмертие, а всего лишь попытка не считается. Как давным-давно, в далекой-далекой галактике выразился Йода: «Делай. Или не делай. Попытки нет»⁴⁷.

Царь Авгий Элидский, сын Гелиоса, бога Солнца, располагал стадом из трех тысяч голов скота. Вся его скотина была бессмертна и, как следствие, произвела за долгие годы необычайное количество навоза⁴⁸. Стойла, где скотину держали, не чистили тридцать лет.

– Отправляйся в Элиду, – приказал Эврисфей Гераклу, – и как следует вычисти конюшни царя Авгия за *один день*.

Явившись в Элиду, Геракл испросил аудиенции у царя и договорился с ним: если удастся убрать завтра весь навоз между восходом и заходом солнца, Авгий отдаст ему десятую часть своего стада.

Если у вас создалось впечатление, будто Геракл – безмозглый увалень, тупоголовый болван, орел-мужчина минимального умственного развития, значит, я вас слегка сбил с толку. Геракл был *прямолинеен* – и это качество ассоциируется у меня с ним крепче всего. Мы, возможно, чересчур привыкли считать, что уклончивые, утонченные, изощренные подходы умнее и действеннее незатейливого прямого нахрапа, но иногда это не так. Совершенно не представляю, что умнице Тесею или хитрецу Одиссею могло бы прийти в голову нечто столь же простое и блистательное: развернуть течение двух местных рек, Пенея и Алфея. Разумеется, понадобилась громадная сила, чтобы пробить в стенах конюшен бреши и изменить направление потоков, но сам замысел в простоте своей красив необычайно. Как Геракл и предполагал, воды ринулись в конюшни и вымыли собравшуюся за тридцать лет дрянь. Богатые навозом потоки сбегали на равнины и поля Элиды и удобрили тамошние земли на многие мили окрест.

Торжествующий Геракл обратился к Авгию за своей наградой в триста голов скота, но царь, любивший свои стада больше всего на свете, платить отказался.

– Эврисфей отправил тебя чистить мои стойла как раба, – заявил он, – поэтому любая награда необязательна и неправильна. Более того, я на такие условия и не соглашался.

– А вот и соглашался! – вскричал сын Авгия ФИЛЕЙ, обожавший Геракла и потрясенный тем, до чего гадко обходится с его героем отец. – Я отчетливо это слышал.

Царь рассерженно изгнал обоих из своего царства. Филея отправили на Дулихий, остров в Ионическом море⁴⁹, а Геракл подался обратно в Микены, кипя от ярости. Он поклялся, что в один прекрасный день вернется и отомстит Авгию.

Народ Элиды, напротив, приветствовал Геракла на своей земле, покуда герой шел в Тиринф. Свежеудобренные земли, обогащенные навозом, принесут благоденствие всему краю. Благодаря Гераклу Немеря стала безопасной, а также Лерния и гора Эриманф. Геракл стал героем не только среди царей и воинов. Он сделался народным героем.

6. Стимфалийские птицы

Геракл явился в Тиринфский дворец – узнать, что там еще припас для него Эврисфей. Царь молча сидел на троне и оглаживал бороду.

– Ну что ж, – произнес он наконец. – Следующее задание тебе – очистить озеро Стимфалия от засилья птиц.

Относительно Стимфалийских птиц в первоисточниках, из которых мы черпаем подробности о Геракле и его подвигах, согласия нет. Ныне в целом принято считать, что Стимфалий-

⁴⁷ Киноэпопея «Звездные войны», эпизод V, «Империя наносит ответный удар» (1980). – *Примеч. перев.*

⁴⁸ Не древнегреческая ли это сатира на богов? Не способ ли намекнуть, что в бессмертных дерьма больше, чем в смертных?

⁴⁹ Южная Адриатика. Может сбивать с толку, потому что Иония – это в Малой Азии, нынешней Турции, далеко-далеко по другую сторону Греции.

ские птицы – это устрашающие твари-людоеды размером с журавля, клювы у них железные, когти из меди, а помет вонючий и ядовитый. Эти священные птицы бога войны АРЕСА населяли лесистые берега озера Стимфалия; они безобразничали и наводили ужас на селян Северо-Восточной Аркадии, из-за них тамошние земли стали совершенно непригодны для жизни.

Почва под деревьями, на которых гнездились эти птицы, превратилась в мерзостную топь. Когда Геракл попытался к ним подобраться, его засосало по самые плечи в зловонную дрянь. Застав Геракла в этом бедственном положении, Афина снабдила его здоровенной бронзовой трещоткой, изготовленной в кузне Гефеста. Ее оглушительный пулеметный треск согнал птиц с гнезд, они заметались с перепугу, и Геракл смог перестрелять их достаточно, чтоб остальные убралась прочь, – и далее у нас еще будет повод встретиться с этой смертельной угрозой.

7. Критский бык

– Критский бык? – переспросил Геракл.

– Да, – ехидно ответил Эврисфей. – Тебе все дважды повторять надо? Критский бык. Вол. Корова-самец. Муж коровы. Крит. Остров. Добудь.

Много лет назад из моря на берег Крита выскочил громадный белый бык. Его послал бог Посейдон в ответ на молитвы царя МИНОСА, пожелавшего впечатлить своих подданных знамением, что власть Миносу ниспослана богами. По замыслу, предстояло пожертвовать быка Посейдону, как только братья Миноса примут знамение как доказательство, но и Минос, и жена его ПАСИФАЯ уж так очаровались красотой этого животного, что им не хватило духу его убить. Более того, Пасифая зашла еще дальше – она совокупилась с быком. Понесла от него сына АСТЕРИОНА, получеловека-полубыка, известного под именем Минотавр, и его заточили в хитром лабиринте, выстроенном специально для Минотавра архитектором Миноса, великим изобретателем и инженером ДЕДАЛОМ.

Бык меж тем безобразничал по всему Криту, дикий, неукротимый и устрашающий. В знак одолжения Миносу Эврисфей послал Геракла усмирить зверя и доставить его в Тиринф – живым.

Геракл подошел к решению этой задачи совсем не так, как его младший родственник Тесей, в чем нам еще предстоит убедиться, – у Геракла имелся один метод: уверенность в собственных силах и неистощимая выносливость. Геракл отыскал быка, наорал на него, взбесил его и встал у него пути. Когда бык ринулся на Геракла, Геракл просто схватил быка за рога⁵⁰ и дернул. Бык противился изо всех сил. Постепенно Геракл придавил его к земле и покатился с быком в схватке, как в свое время с Немейским львом и Эриманфским вепрем. Ни в какую не выпуская бычьих рогов из рук, Геракл орал зверю на ухо, лупил его, пинал его, мотал его, вертел, крутил и колошматил. Наконец потрепанный и уставший бык рухнул в пыль под Гераклом и сдался на его милость. Усевшись на него верхом, Геракл поплыл на быке по волнам, из которых тот вышел, вплоть до самого Пелопоннеса. Ввел зверя во дворец Эврисфея, который вновь бросился прятаться в каменный кувшин.

– Хорошо-хорошо, будь ты неладен, убери его отсюда поживее.

– Ты уверен, что не хочешь пощекотать его за ухом?

– Убери отсюда это клятую животину!

Если б Эврисфей крикнул из своего кувшина: «Пожертвуй его богам», вся история мира могла бы сложиться иначе. Но в итоге вышло так, что Геракл послушно выпустил быка на все четыре стороны. Свободный от наездника, бык взбрыкнул, и помчал себе, и бежал многие мили, пересек всю материковую Грецию на восток, и остался насовсем на равнине Марафон,

⁵⁰ Возможно, отсюда происходит оборот «взять быка за рога».

где не давал покоя местным, пока другой великий герой, как мы с вами еще узнаем, не явился одолеть его и завершить необычайную жизнь этого быка.

8. Кобылицы Диомеда (включая историю Алкестиды и Адмета)

– Ну что же, с быком ты разобрался, – сказал Эврисфей, щипля себя за бороду. – Очень ловко, спору нет. Но один-то бык – не испытание, верно?

Геракл промолчал. Ждал дальнейших указаний.

– Ладно. Приведи мне четырех кобылиц ДИОМЕДА.

– Диомеда?

– Ты вообще ни о чем не осведомлен, что ли? Он царь Фракии. Кобылицы – самки лошади. Лошадь – четвероногое с гривой и копытами. Их у Диомеда четыре. Четыре – число между тремя и пятью. А теперь иди – и без кобылиц не возвращайся, понял?

По дороге на север во Фракию Геракл заглянул в Феры, в гости к своим друзьям, царю АДМЕТУ Ферскому и его царице АЛКЕСТИДЕ; история этой пары заслуживает того, чтобы ее послушали.

За много лет до этого Зевсу пришлось убить Асклепия, сына Аполлона, мастера врачевания и целительских искусств⁵¹. Арес с Аидом нажаловались на Асклепия: он, дескать, повадился возвращать смертных к жизни, а потому и война, и смерть – курам на смех. Зевс принял этот довод и сразил Асклепия ударом молнии. Аполлон ворвался в кузню Гефеста и в припадке ярости напал на трех ЦИКЛОПОВ, изготовивших Зевсовы молнии. Покарать царя богов за смерть Асклепия Аполлон не мог, а вот циклопов – АРГА, СТЕРОПА и БРОНТА – запросто. Аполлон выпустил по стреле в каждого. Подобный мятеж с рук спускать было нельзя, и Зевс изгнал Аполлона с Олимпа, приговорив его к рабскому труду у смертного человека. Знаменитый своим гостеприимством (а это всегда верный путь к сердцу Зевса) фессалийский царь Адмет стал тем самым смертным, кого выбрал Зевс, и к нему отправился Аполлон – пастухом его стад, на один год и один день.

Эта кара оказалась для Аполлона чем угодно, кроме наказания. С Адметом они ладили сразу. Адмет, только что взошедший на трон и пока не женатый, был обаятелен, радужен, добросердечен и физически привлекателен. Вовсе не хозяином он стал Аполлону – юный царь стал богу любовником. Аполлону понравилось служить пастухом, и он сделал так, что все Адметовы коровы родили близнецов, и тем самым сильно увеличил ценность царского стада. Владение скотом в те времена – как много где и поныне – было мощным признаком богатства и высокого положения. Адмет процветал, и время Аполлоновой службы пролетело мгновенно. Они остались друзьями, и бог даже помог своему любимцу добиться руки Алкестиды, одной из девяти дочерей царя ПЕЛИЯ Иолкского⁵². Алкестиды была так прелестна, что царевичи и знать со всей Греции наперебой просили ее руки. Отец Алкестиды постановил, что отдаст ее в жены тому, кто сумеет впрячь в колесницу вепря и льва. Пока ни одному претенденту не удалось загнать под одно ярмо этих столь несовместимых друг с другом зверей, но у Адмета – при помощи Аполлона – это получилось. Он подъехал на той колеснице к Пелию и получил свою невесту.

Бог вновь явился помочь другу, когда из-за всей этой суматохи со сватовством к Алкестиде Адмет недотянул до подходящего служения Артемиде, сестре-близняшке Аполлона, а та была, наверное, чувствительнее к оскорблениям, настоящим и воображаемым, чем любой дру-

⁵¹ См. «Миф», глава «Рожденный дважды».

⁵² Пелий еще возникнет в истории Ясона – там он важная фигура. Алкестиды – та самая дочь, что совершит роковую ошибку, связанную с отцом и кухонным котлом.

гой олимпиец. За небрежение она покарала Адмета, настав змей в его супружескую спальню, что несколько подпортило молодоженам первую брачную ночь. Аполлон же помог Адмету, объяснив царю, какие именно молитвы и жертвоприношения способны умиловить вспыльчивую сестрицу-богиню. Змеи исчезли, медовый месяц продолжился. Экстаз супружеской спальни обернулся безупречным брачным блаженством, и союз Адмета с Алкестидой оказался счастливее многих в Греции.

И уж так обожал Адмета Аполлон, что ему претила сама мысль о смерти возлюбленного друга. Но Аполлон не стал умолять Зевса даровать бессмертие своему любимцу, как сделали Селена и Эос ради своих смертных возлюбленных⁵³, – он подошел к задаче по-другому. Он призвал МОЙР – трех богинь судьбы, КЛОТО, ЛАХЕСИС и АТРОПОС, – на Олимп и сильно их напоил.

– Милейшие мойры, – сказал он им, слегка запинаясь и смазывая произношение, чтобы им казалось, будто и он пьян не меньше, – я вас люблю.

– И мы тебя, будь оно неладно, любим, – выговорила Атропос.

– Ты... ик... лучший, – икнула Клото.

– Я всегда это говорила, – булькнула Лахесис, утирая слезу.

– Возьму любого, кто скажет поперек, и уделаю.

– Вот да, будь оно неладно.

– Крышка тому.

– Стало быть, если я чего у вас, дамы, попрошу... – начал Аполлон.

– Что угодно.

– Щимай, затётано... Считай, замётано.

– Ты только скажи.

– Друг у меня, Адмет. Чудесный человек. Зайка.

– Я думала, он царь?

– Ну да, царь, – согласился Аполлон. – Но как человек он заяка.

– Ну как бы все сходится, – согласилась Атропос. – Царь-зайка.

– Но не заяка-царь?

– Суть вот в чем, – продолжил Аполлон, не желая, чтобы ему зубы заговаривали, – хочу попросить вас сделать так, чтобы его жизнь не оборвалась.

– Обрывать – это моя работа, – сказала Атропос.

– Я в курсе, – отозвался Аполлон.

– Ты хочешь, чтобы я *не* обрывала его жизнь?

– Я бы счел это величайшей услугой.

– Желаеть, чтобы он жил вечно?

– Если это можно устроить.

– О-ох, ну и задачка. Я занимаюсь тем, что обрываю нити жизней. Не обрывать... это же совсем другое дело. Что скажете, сестры?

Аполлон долил им в чаши.

– Выпейте еще, пока размышляете.

Мойры посоветались.

– Поскольку мы тебя любим, – произнесла наконец Клото.

– Жуть как... – добавила Лахесис.

– Поскольку мы жуть как тебя любим – пусть будет по-твоему. Один разочек. Если твой друг... Как там его звать?

– Адмет. Адмет, царь Ферский.

– Если Адмет, царь Ферский, найдет кого-нибудь, кто пожелает умереть вместо него...

⁵³ См. «Миф», с. 403 и 410.

– ...тогда совершенно незачем будет обнимать его рыть...

– Обрывать его нить...

– Вот да.

– Условие таково, – объяснил Аполлон Адмету, – тебя никогда не заберут в загробный мир, если ты найдешь кого-то – кого угодно, – кто согласится умереть вместо тебя.

Адмет отправился к родителям. Они уже много чего повидали в жизни, рассудил он, и кто-то из них наверняка согласится уйти раньше, если это подарит их сыну бессмертие.

– Ты зачал меня, – сказал он отцу ФЕРЕТУ, – твой долг, значит, сделать все, чтобы я жил дальше.

К изумлению и ужасу Адмета, Ферет совершенно не пожелал соглашаться.

– Да, я зачал тебя и взрастил, чтобы ты правил этой землей, но я совершенно не понимаю, почему должен вместо тебя умереть. Ни предки наши, ни Греция такого закона не устанавливали, где говорится, что отцы должны умирать вместо детей их. Ты родился прожить собственную жизнь, хоть счастливую, хоть горемычную. Я дал тебе все необходимое. Не жду, что ты умрешь вместо меня, а тебе не стоит ждать, что я умру вместо тебя. Ты, значит, любишь свет дня. С чего ты взял, что твой отец его не выносит? Знай: мертвы мы очень долго. Жизнь, может, и кратка, зато сладостна⁵⁴.

– Да, но ты же пожил, а я...

– Будем считать, что я пожил, когда моя жизнь естественно подойдет к своему завершению, а не по слову твоему.

Получив отповедь от ближайшего кровного родственника, Адмет забросил сеть пошире. О бессмертии ему прежде думать не приходилось, но стоило Аполлону сказать, что оно возможно, как эта мысль совершенно захватила Адмета. Он уверовал, что бессмертие – его право. Он-то думал, что найти кого-нибудь, кто будет готов сделать ему это простое одолжение – умереть за него, – дело плевое. Оказалось, что все, подобно отцу Адмета, как-то несуразно пылко цепляются за свои жизни. Наконец на выручку пришла его преданная и любящая супруга Алкестида. Она объявила, что готова умереть вместо супруга.

– Правда?

– Да, мой милый, – сказала она, спокойно глядя его по руке.

– Ты по-честному и с радостью готова на такое ради меня?

– Вполне с радостью, если тебе это в радость.

Возвели изящную усыпальницу, и Алкестида приготовилась к дате Адметова ухода – теперь уже своей. Но когда подошел день, Адмет решительно передумал. Осознал, до чего сильно он любит Алкестиду и до чего ущербна станет его жизнь без нее. Более того, он прозрел, что долгое – бесконечное – существование в одиночестве будет ему хуже смерти. Он взмолился перед женой не делать этого. Но ее намерение занять его место уже было услышано и записано богинями судьбы. Должна умереть – и умерла.

Именно в тот миг, когда сокрушенный Адмет пытался примириться с тем, что он натворил, к нему во дворец заявился Геракл.

И уж таким внимательным был Адмет к своим хозяйским обязанностям, что отвергнуть гостя счел недопустимым. Из всех сил постарался скрыть свое горе и встретил гостя с большим теплом и радушием, каким славился. Но все же Геракл не смог не заметить, что старый друг облачен в черное.

– Ну, если честно, у нас во дворце случилась смерть.

– Оставлю тебя тогда. Лучше приду в другой раз.

– Нет-нет. Прошу тебя, побудь. Я настаиваю.

⁵⁴ Вольный пересказ фрагмента из «Алкестиды», версии этой истории в изложении афинского драматурга Еврипида. [Действие III, явление 11; в пер. И. Анненского пьеса называется «Алькеста». – Примеч. перев.]

Геракл все равно сомневался. У хозяев есть обязанности – есть они и у гостей.

– Кто умер? Не кто-то из близких?

Адмет не желал обременять друга своими горестями.

– Не кровный родственник, клянусь... – Говоря строго, не соврал. – Женщина тут одна из домочадцев.

– Что ж, в таком случае... – Геракл вошел в главный зал. Взгляд его пал на стол, накрытый к поминкам. – Я всегда говорил, что у тебя подают лучшие вина и пироги, – проговорил он, щедро набирая себе и того и другого.

– Это очень любезно с твоей стороны, – отозвался Адмет. – Оставлю тебя на минутку, но, прошу, чувствуй себя совершенно как дома.

Геракл накинулся на еду. Допил все вино, какое нашлось на столе, и крикнул, чтоб несли еще. Явился дворецкий, ликом угрюм. Слуга старой закалки. Даже рискуя навлечь на себя знаменитый гнев сильнейшего человека на свете, он от своих обязанностей уклоняться не собирался.

– Стыд растерял совсем? – прошипел он. – Как можно эдак есть и пить, когда весь дом в глубоком трауре?

– Да будь я неладен, чего бы и нет? Кто помер-то? Какая-то там служанка.

– Боги, вы только послушайте его! Нашу дражайшую царицу у нас забрали, а ты смеешь называть ее «какой-то там служанкой»?

– Алкестиду? Но Адмет сказал мне...

– Его величество и посейчас в саду, душу свою благородную выплакивает напрочь.

– Ох, ну и дурак же я!

Тут с Гераклом случился припадок самоедства и самоуничужения, как это бывало с ним время от времени. Колотил себя в грудь и называл бесчувственным фигляром на белом свете, недостойным гостить в чьем бы то ни было доме, ослом, паяцем, олухом и грубейшим из невоспитаннейших. Затем взял себя в руки и осознал, что нужно сделать. «Отправлюсь в загробный мир, – сказал он себе, – и сразу любого, кто попытается помешать мне привести Алкестиду назад. Клянусь, сразу».

К счастью, подобные радикальные меры не потребовались. Прежде чем отправиться в загробное царство, Геракл пошел поклониться свеженькой усыпальнице Алкестиды. Там он наткнулся на ТАНАТОСА, бога смерти, – тот как раз забирал Алкестидину душу.

– Руки прочь! – возопил Геракл.

– Не твое это дело, – проговорил Танатос. – Повелеваю тебе...

Геракл с ревом бросился на него, прижал беспомощного Танатоса к земле и замолотил по нему кулаками.

Чуть погодя Адмет унял в саду свои рыдания и вернулся во дворец.

– А где Геракл? – спросил он.

– Ой, этот... – буркнул дворецкий. – Как только узнал, что это царица скончалась, сразу ушел. Скатертью дорожка, скажу я.

Тут в зал ворвался Геракл.

– Я вернулся! – объявил он, хлопая Адмета по плечу. – И друга с собой привел. – Повернувшись к двери, Адмет крикнул: – Заходи.

В зал вошла Алкестиды и, застенчиво улыбаясь, замерла перед оторопевшим мужем.

– Я саму Смерть положил на лопатки, чтоб вернуть ее тебе, – сказал Геракл, – уж будь любезен, на этот раз не отпускай ее.

Адмет, казалось, не слушал его. Он не сводил взгляда с жены.

– Да. Ну ладно. Короче, я пошел. Есть дела во Фракии. Лошадок добыть кое-каких.

Отправляя Геракла за четырьмя кобылицами Диомеда, Эврисфей не снизошел поделиться никакими подробностями. Нам, однако, известны имена тех кобылиц. ПОДАРГ, «быст-

роногая», КСАНФ, «золотистая»⁵⁵, ЛАМПОН, «сияющая», и ДИНОС, «ужасная»⁵⁶. Что еще важнее, Геракл не подозревал, что из-за гнусной привычки царя кормить кобылиц человеческим мясом они сделались неукротимо буйными, и держали их в железных кандалах и в бронзовых стойлах – до того опасны они были для любого, кто к ним приближался⁵⁷.

Во Фракию ко дворцу Диомеда Геракл прибыл со своим другом и возлюбленным АБДЕРОМ, сыном Гермеса⁵⁸. Оставив Абдера стеречь лошадей, Геракл отправился на переговоры с царем.

Любопытство взяло верх, и юноша подобрался к лошадям слишком близко. Одна из них вцепилась ему в руку зубами и втащила в стойла. В считанные минуты его порвали на части и сожрали.

Геракл похоронил изуродованные останки и основал вокруг гробницы город, который назвал Абдерой – в честь погибшего возлюбленного⁵⁹. Затем сокрушенный и обезумевший герой обратил всю силу своей ярости на Диомеда – порубил его стражу, схватил царя и швырнул его на съедение его же лошадям. Неаппетитный вкус хозяина отбил у кобылиц всякую склонность к человеческой плоти, и Гераклу легко удалось запрячь их в колесницу и пригнать в Микены. Эврисфей, уже наверняка привыкший разочарованно наблюдать, как Геракл возвращается целый и невредимый, поднес кобылиц Гере и дальше разводил эту породу. Позднее греки стали считать, что знаменитый конь Александра Македонского по кличке Буцефал произошел от тех лошадей.

9. Пояс Ипполиты

– Далеко на востоке, на берегах Фермодонта, живет народ амазонок! – воскликнула АДМЕТА с возбужденным придыханием.

Геракл поклонился. Эврисфей «подарил» своей дочке подвиг Геракла на совершеннолетие.

– Прикажи ему что пожелаешь, солнышко, – сказал ей Эврисфей. – Чем труднее и опаснее задачка, тем лучше. Гераклу пока было чересчур просто.

Адмета сразу решила, что потребует с героя. Как и многие юные гречанки, она преклонялась перед ватагой сильных, независимых и люто непримиримых женщин и давно мечтала стать амазонкой.

– Дочери Ареса и нимфы ГАРМОНИИ, – сказала она Гераклу, – амазонки посвящают себя сражениям и друг другу.

– Слыхал, да, – отозвался Геракл.

⁵⁵ От этого же слова происходит имя жены философа СОКРАТА, той самой легендарно сварливой женщины Ксантиппы. На самом деле «ксантос» – красновато-желтый, поэтому применительно к лошадям этот оттенок, скорее, гнедой. Как ни странно, хотя они кобылицы, все источники дают их имена с *мужскими* окончаниями. На самом деле Подарга, а не Подарг.

⁵⁶ Ср. динозавр – «ужасная ящерица», как уже говорилось применительно к грайям.

⁵⁷ Некоторые источники утверждают, что кобылицы были еще и огнедышащими.

⁵⁸ Геракл, как и большинство древних греков, с равным удовольствием угощался и из мужской лохани, и в дамском буфете. Племянник Геракла Иолай, а также Гилас, его оруженосец в походе за Золотым руном, – два других любовника нашего героя, или *эроменов*.

⁵⁹ Абдера до сих пор стоит и прославилась в великую эпоху греческой философии тем, что подарила миру Демокрита (некоторые считают его отцом научного метода в познании – советуя познакомиться с размышлениями о нем, предложенными в книге «Действительность есть не то, чем она кажется» [«The Reality is Not What It Seems» – *примеч. перев.*] итальянского физика Карло Ровелли). Здесь же родился софист Протагор, знаменитый своим диалогом с Сократом, в записи Платона. Ранее, в VI веке до н. э., нашел здесь прибежище, спасаясь от персов, Анакреонт. В Англии в XVIII веке его жизнь и труды вдохновили на создание джентльменского Анакреонтического общества музыкантов-любителей. Мелодию клубной песни Общества, «Анакреонту в небе», в 1814 году присвоили американцы и положили на нее слова стихотворения «Звездно-полосатый стяг» – ныне это их национальный гимн. Звучала бы эта мелодия в начале каждого крупного спортивного события в Соединенных Штатах, если бы Абдера не слопали лошади? Подобные размышления запросто способны свести человека с ума.

– Их царица... – Адмета взбудораженно вспыхнула, – ИППОЛИТА. Ипполита храбрая, Ипполита-красавица, Ипполита свирепая. Ни один мужчина не способен ее подчинить себе.

– И такое слышал.

– На ней пояс, чудеснейший, в драгоценностях, подаренный ей отцом Аресом. Хочу его.

– Что, прости?

– Ты принесешь мне пояс Ипполиты.

– А если она предпочтет с ним не расставаться?

– Не морочь моей дочери голову, Геракл. Слушайся ее.

Вот так Гераклу пришлось плыть на восток, к землям амазонок. Слава этих гордых женщин-воительниц гремела по всему Древнему миру⁶⁰. Воюя верхом – они были первыми на свете, кто этому научился, – амазонки побеждали любые племена, с какими сходились в бою. Завоевав или усмирив тот или иной народ, они забирали с собой тех мужчин, от кого, по мнению амазонок, получатся лучшие дочери, и совокуплялись с ними. Выполнявших свою задачу мужчин убивали, как это бывает с самцами многих видов пауков, богомоллов и рыб. Амазонки умерщвляли всех младенцев-мальчиков и растили только девочек, и те потом вливались в племя. Если кто-то обвинял амазонок в жестокости, они указывали на то, сколько новорожденных девочек по всему «цивилизованному» миру было оставлено в горах умирать⁶¹ и скольких женщин используют как скотину для воспроизводства, и никакой другой цели в их жизни не допускается – только служить, ублажать и подчиняться.

Геракл вовсе не склонен был недооценивать масштабы поставленной задачи. Но когда его судно достигло Понта, что на южном берегу Черного моря, изумленного Геракла радушно встретило целое посольство во главе с самой царицей Ипполитой. Амазонки и их царица были не единственными героическими воителями с репутацией во всем Древнем мире. Восемь с лишним лет Геракл, не жалуясь, достигал невозможного, и вести о его силе, отваге и стойкости во всех этих сложных и несправедливых условиях разнеслись повсюду. Геракл избавил мир от многих угроз и ужасов. Против чар и чудовищ он выстаивал доблестно и величественно. Чтобы не восхищаться им, надо быть неблагодарным или завистливым. Преклонение амазонок перед отвагой, достоинством и силой превзошло их инстинктивные неприязнь и недоверие к мужчинам, и Геракла и его спутников они встречали тепло и почтительно.

Геракла и его команду одарили цветочными гирляндами и устроили им пир на берегу Фермодонта⁶².

Геракла Ипполита заворожала. Были в ней стать, остроумие и прирожденная властность, каких в мире мало. Голос Ипполита не повышала никогда – казалось, она словно бы ожидает внимания к себе и восхищения, и все же Геракл обнаружил, что занят исключительно ею, и чувствовал, что ни к одной женщине и тем более к мужчине из всех, с кем был знаком, он ничего, более похожего на преклонение, не питал.

Геракл Ипполите, похоже, нравился не меньше. Может, и возник след улыбки у нее на лице, когда Ипполита увидела, что ее пальцы и близко не смыкаются в обхвате мышц у него на предплечье, но та улыбка была не насмешливая, а весело изумленная: водятся же на белом свете такие экземпляры!

– Вот что подойдет, – проговорила она, расстегивая пояс.

И действительно, ее талия и бицепс Геракла оказались одного размера. Застегивая замок, Ипполита объявила, что Гераклу так очень к лицу.

⁶⁰ «Амазонка» означает – или может означать – «безгрудая»; позднейшие художники и скульпторы нередко изображали этих женщин либо совсем без грудей, либо одногрудыми, однако ныне считается, что название связано с их непревзойденным мастерством в стрельбе из лука. Чтобы полностью натянуть тетиву, нужно было куда-то деть одну грудь...

⁶¹ См. историю Аталанты.

⁶² Ныне река Терме в Северной Турции.

– Эта ужасная голова льва, эта шкура, эта уродливая дубина... несомненно, это все полезно, чтобы пугать балбесов и трусов, но мужчине следует без страха являть себя в блеске.

Геракл разглядывал изукрашенный пояс у себя на руке, Ипполита улыбалась. Но тут заметила, что лицо Геракла помрачнело.

– Только не говори, что боишься, будто такие побрякушки портят твою мужественность. Я была о тебе лучшего мнения.

– Нет-нет, – сказал Геракл. – Дело не в этом...

– А в чем же?

– Ты говорила, что слышала об испытаниях, какие назначает мне мой брат Эврисфей, так?

– Весь мир наслышан о подвигах Геракла.

– Так их называют?

– Даже если сделать поправку на кое-какие неизбежные преувеличения, что возникают, когда истории передают из уст в уста, ты, судя по всему, насвершал чудес.

– Наверняка истории эти по большей части чепуха.

– Ну скажи тогда, правда ли, что, когда ты приволок Эриманфского вепря в тронный зал Эврисфея, тот так перепугался, что ласточкой нырнул в каменный кувшин?

– Это да, правда, – согласился Геракл.

– И что ты скормил Диомеда его же кобылицам?

И тут Геракл тоже кивнул.

– Так скажи мне, великий герой, что тебя сейчас тревожит?

– Понимаешь, я выполняю девятую из этих задач – из, как ты их называешь, подвигов. Здесь я поэтому.

Ипполита подобралась.

– Надеюсь, не с целью приволочь Ипполиту в цепях к злобному тирану?

– Нет-нет... не это. Дело в поясе... – Он глянул на украшение у себя на предплечье. – Его дочка Адмета отправила меня добыть его. Но теперь, когда мы познакомились, у меня душа не лежит...

– И все? Он твой, Геракл. Прими с радостью как мой подарок тебе. От воина воину.

– Но это же дар твоего отца, бога Ареса.

– А теперь это дар от твоей возлюбленной, женщины Ипполиты.

– Говорят, тот, кто носит этот пояс, неуязвим в бою. Правда ли это?

– Я ношу его со своих четырнадцати лет, и не было мне ни единого поражения.

– Тогда я не вправе...

– Прошу тебя. Я настаиваю. А пока дай-ка глянуть, всюду ли ты соразмерен...

Предоставим Гераклу и Ипполите сплетаться в яростном объятии в ее царском шатре на берегах Фермодонта.

Вы, быть может, решили, что девятый подвиг дался Гераклу слишком легко. Богиня Гера, несомненно, именно так и подумала. Ненависть, какую носила она в себе, за годы нисколько не убавилась. Напротив – с каждым триумфом Геракла ненависть Геры лишь прирастала. Народная любовь к нему бесила богиню. Она взялась унижить и уничтожить его. А выходило так, что детей и даже целые города уже называли в его честь, люди слагали песни, воспевающие его силу, смелость и беспощадность к себе. Гера покажет миру: не того он человека прославляет.

Приняв облик амазонки, Гера пошла по речному берегу, сея растерянность, сомнение и недоверие.

– Гераклу нельзя доверять... он собирается похитить нашу царицу... Я слышала, что прямо сейчас его люди готовятся взять нас в плен и продать, как рабынь, на рынках Арголиды... Геракла надо убить, прежде чем он использует возможность нас уничтожить...

В шатре Геракл сел, внезапно насторожившись.

– Что это за шум?

– Да просто мои женщины празднуют с твоими спутниками, конечно же, – сонно проговорила Ипполита.

– Я слышу лошадей.

Геракл перегнулся через простертое тело Ипполиты и приподнял полог шатра. Верховые амазонки метали стрелы в его людей! Группа воинственных женщин неслась к шатру. Кровь тут же застучала у Геракла в висках, его накрыло красным туманом. Улыбки и гостеприимство – это все ловушка. Ипполита попыталась выставить его дураком.

– Предательница! – заорал он. – Ты... коварная... *ведьма!*

Он взял ее за голову и с последним яростным словом свернул ей шею так, что она треснула, будто сухая древесная ветка.

Геракл схватился за дубину и выскочил из шатра. Одним махом вышиб он из седла трех амазонок, что мчали ему навстречу. Другие увидели пояс Ипполиты у него на руке – символ ее власти и неуязвимости. Весь боевой дух тут же покинул их. Люди Геракла, воодушевленные видом своего вожака, в котором бушевала горячая кровь, а сам он ревел, как лев, возликовали. Вскоре берега реки были усеяны телами мертвых амазонок.

На обратном пути в Микены Геракл и его люди зашли в порт Трои. В ту пору правил там ЛАОМЕДОНТ, внук царя ТРОЯ, в честь которого названы и город, и его жители – троянцы, сын царя ИЛА, давшего второе имя этому городу – Илион, как в названии «Илиады» Гомера.

Троя была прекрасна, строительство ее стен силами Аполлона и Посейдона только-только завершилось. Но жадный, двуличный и глупый Лаомедонт отказался платить им за работу. В отместку Аполлон закидал город чумными стрелами, а Посейдон затопил равнину Илион и наслал на город морское чудовище, чтоб терзало и пожирало любого троянца, кто попытается удрать из зараженного города.

Жрецы и оракулы Трои сказали Лаомедонту, что спасти Трою от болезни, голода и несчастий можно, лишь приковав Лаомедонтову дочь ГЕСИОНУ голый к скале на затопленной равнине, чтобы морское чудовище ею насытилось⁶³.

Таково было положение дел, когда явился Геракл. Он пообещал освободить Гесиону, если дадут ему коней, что родились от дара Зевса Трою⁶⁴. Лаомедонт согласился, и Геракл быстренько убил чудовище и спас Гесиону. И опять Лаомедонт нарушил сделку. Отказался следовать уговору и не отдал лошадей.

Исправлять положение у Геракла не было времени. Год почти истек, и ему пора было вернуться к Эврисфею, после чего отправиться совершать десятый подвиг. Поклявшись вернуться и отомстить Лаомедонту, Геракл вернулся в Микены.

10. Скот Гериона

– Вот! – Геракл бросил пояс к ногам Адметы. – Надеюсь, он принесет тебе удачу⁶⁵. А теперь, могучий царь, отдай уже, будь любезен, десятый и последний свой приказ.

⁶³ В точности такая же напасть постигла Андромеду. Образ беспомощной девицы, прикованной к скале и ждущей своей участи в виде дракона, встречается много где, не только в античных мифах и искусстве. Мы все, риску предположить, способны истолковать этот образ в зависимости от того, к какой из разнообразных школ психологии, гендерной идентичности и прочему мы себя относим.

⁶⁴ Двумя поколениями ранее Зевс забрал к себе Ганимеда, троянского царевича-красавца, и сделал его своим любовником и виночерпием. В уплату Зевс отдал Трою волшебных коней.

⁶⁵ Пояс Ипполиты выкопал на руинах храма Геры в Микенах д-р Хенри Уолтон «Индиана» Джоунз-мл., однако ныне он томится в ящике, спрятанном на обширных правительственных складах США вместе с Ковчегом завета и настольной игрой «Джуманджи».

Эврисфей беспокойно завопил на троне. Многие придворные наверняка захихикали, услышав обращение «могучий царь».

– Хорошо же, Геракл, – произнес он. – Отправляйся в Эрифию и приведи мне скот ГЕРИОНА. Все стадо⁶⁶.

Вы же помните, что когда Персей отсек голову Медузе горгоне, из зиявшей раны выбрались на свет двое нерожденных детей от союза Медузы с Посейдоном. Один из тех детей – Пегас, второй – Хрисаор, юноша с золотым мечом. Хрисаор (в союзе с КАЛЛИРОЕЙ, «сладко-текучей» дочерью морских титанов Океана и Тефиды) породил трехголового Гериона, жутчайшее чудовище, свирепо охранявшее громадное стадо красных коров на западном острове Эрифия⁶⁷. Помогал ему стеречь эту редкую и ценную породу великан ЭВРИТИОН, сын Ареса, и свирепый двухголовый пес, брат КЕРБЕРА, по кличке ОРФ.

Эрифия находилась так далеко в неведомых западных краях мира, что путь Гераклу выдался длиннее всех предыдущих. И уж так ему было жарко, до того умаялся он, пока брел через Ливийскую пустыню, что возопил в ярости на палившее солнце и пригрозил сбить Гелиоса стрелами с его колесницы. Гелиос, допустим, был из бессмертных титанов, однако все равно боялся жуткого ущерба, какой способны были нанести стрелы героя.

– Не стреляй, Геракл, сын Зевсов, – заорал он в некоторой панике.

– Тогда помоги мне! – крикнул Геракл в ответ.

Гелиос согласился не летать так низко над землей, если Геракл согласится не стрелять. Более того, чтобы облегчить герою путь на запад, Гелиос предложил Гераклу напрокат свою великую Чашу. Гелиос ежедневно гнал колесницу от земель на дальнем востоке⁶⁸ через все небо, пока не добирался до царства Океана⁶⁹. Там Гелиос проводил ночь, отдыхая в своем западном дворце, после чего отправлялся на восток в огромной чаше, или лохани, по стремительному течению Океана. Эта «Река Океана», опоясывающая землю, возвращала Гелиоса в его восточный дворец, где он готовил коней к очередному дневному странствию.

Геракл с благодарностью принял предложенную Чашу, мореходную лохань⁷⁰, в которой он устроился, подтянув колени, и с удовольствием устремился к Эрифии. Где-то в пути воды, что несли его, заволновались, и Геракл пригрозил, что сейчас начнет метать стрелы в Океана. Думаю, дело не в том, что Геракл высокомерно считал себя выше богов, – он скорее рассматривал всех живых существ, и божественных, и смертных, как равню себе. Так или иначе, эта угроза обеспокоила Океана, и он, перепугавшись ужасных стрел, как перед этим его племянник Гелиос, утихомирил воды. Геракл прибыл на остров Эрифию целым и не намокшим, не успев глазом моргнуть.

С берега его приветствовал свирепым лаем Орф, двуглавый пес.

⁶⁶ Частое появление быков, коров, вепрей, телок, баранов, овец, оленей, ланей и лошадей в героических приключениях – естественное отражение важности этих животных для экономической, общественной и сельскохозяйственной жизни Древней Греции. Их место в земледелии, торговле и вообще цивилизации противопоставляется угрозе для этих элементов жизни, какую являют собой драконы, кентавры и прочие чудовища. Класс мутантов или диких вепрей и быков, можно сказать, занимает срединное положение между одомашненной скотиной и чудовищами. Змей, особенно священных для Афины и Геры, можно приписать к самостоятельному классу животных. Они несут смерть или дарят пророчества, но их никак не приручить.

⁶⁷ «Эрифия» означает «красный» или «красноватый», поскольку ко времени, когда солнце уходило так далеко на запад, оно делалось почти красным – цвета заката. Некоторые греческие, а позднее и римские писатели помещали Эрифию среди Балеарских островов. Возможно, это была Ибица. Кто-то сдвигал Эрифию еще дальше на запад; еще одна версия – Мадейра. С учетом пса Орфа, возможно, то был один из Канарских островов – слово «канары» происходит, разумеется, не от названия птицы, а от латинского «канус», что означает «пес». Тогда лучший кандидат – Лансароте, поскольку «роте» в его названии означает «красный», хотя скудные, одержимые фактами историки скажут вам, что это совпадение.

⁶⁸ Большинство источников согласно в том, что это Индия.

⁶⁹ Ирландия? Британия? Португалия? Тут как раз теорий множество.

⁷⁰ Вероятно, западный дворец Гелиоса располагался в Уэльсе, а чашеобразные кораклы валлийских рыбаков ведут свое происхождение от Чаши Гелиоса.

– Орф! – крикнул Геракл. – Ты, как многие другие уродливейшие твари на белом свете, – сынок Тифона с Ехидной. Тебе невдомек, что время вашего брата истекло? Я уже убил твою сестрицу, Лернейскую гидру, и сынка, Немейского льва. Теперь *твой* черед убраться с лица земли.

С ревом из обеих глоток тварь ринулась на Геракла, а тот вскинул дубину и обрушил ее на одну из голов. Вторая, ошарашенно взвизгнув, повернулась глянуть на свою сокрушенную напарницу, теперь безжизненно свисавшую с их общей шеи. Не успела вторая голова загоревать, как дубина опустилась еще раз и прикончила пса.

Пастух Эвритион услышал шум и гам и теперь приближался, тоже помахивая здоровенной дубиной.

– Ты заплатишься! – проревел он. – Я любил этого пса.

– Тогда ступай за ним! – вскричал Геракл, пуская стрелу Эвритиону в глотку.

Яд гидры совершил свое дело, и Эвритион был мертв прежде, чем его тело пало на землю.

Геракл занялся сбором стада. Но тут объявился сам Герион.

Столь немногие смертные повидали Гериона и выжили, чтобы поведать об этом, что описания его внешности сильно разнятся. Все сходится в одном: этот сын Хрисаора и Калирои был трехглавым. Очень многие говорят, что и торсов у него было три, хотя один источник утверждает, будто три головы росли у него из одного туловища. Сильнее всего источники расходятся в том, что располагается между торсами и землей. Кто-то заявляет, что к талии туловище сужалось и у великана поэтому было две ноги; говорится и другое – что ног было три пары. Я склоняюсь к версии с одной парой ног, но с тремя торсами и тремя головами. Несомненно одно: Герион был громадным трицефалом и характер имел лютый.

– Кто смеет воровать мой скот? – взревела левая голова.

– Геракл смеет.

– Тогда Гераклу конец, – объявила средняя голова.

– Медленный и мучительный, – добавила правая.

– Когда ты сдохнешь, – отозвался Геракл, – выйдет вдвое больше любой смерти, какая уже приключалась.

С этими словами он запустил стрелу прямым в пуп Гериону. Яд гидры пробрался во все три туловища, по трем шеям и в три головы, обжигая и разъедавая все на своем пути.

– Жжет!

– Жжет!

– Жжет!

Вопли ужасали.

Как именно Гераклу удалось переправить стадо через море, нигде не пишут. Придется допустить, что он загонял, сколько мог, в Чашу Гелиоса и вот так челноком возил скотину, пока вся она не оказалась на североафриканском побережье. В память об этом великом приключении Геракл воздвиг две громадные каменные колонны, одну – на северной, иберийской, стороне пролива, что соединяет Средиземноморье с Атлантикой, а вторую – на южной, марокканской. И поныне Геркулесовы столбы встречают путешественников в проливе. Африканская колонна называется Сеутой, а иберийская – Гибралтарской скалой.

На то, чтобы пригнать все это стадо Эврисфею, Гераклу потребовалось непомерное время. Он гнал коров через всю Испанию, через Страну басков, по югу Франции и северу Италии, вниз по Далматскому побережью, и лишь тогда родные горы и долины Греции подсказали ему, что дом близко. Однако Гера в своей зловредности наслала тучи слепней, и из-за их болезненных укусов стадо взбесилось и бросилось враспынную по всей материковой Греции⁷¹.

⁷¹ Любимое издевательство. Гера проделала то же самое с Ио, возлюбленной Зевса. Богиня луны Селена наслала слепня жалить Амπεла, любовника Диониса (обе истории изложены в «Мифе»).

Гераклу удалось собрать почти всех, но в ворота Тиринфа и ко дворцу царя Эврисфея стадо наш герой пригнал, вымотавшись и пропылившись.

– Ох батюшки, – проговорил Эврисфей, оглаживая бороду. – И это все? Мне казалось, что стадо Герионово – это больше тысячи голов, а тут, даже на мой необученный глаз, сотен пять-шесть, не больше.

– Только эти остались, – ответил Геракл. – Моя служба у тебя завершена. Я исполнил все, что ты мне приказывал, – и даже с лихвой. Пора тебе освободить меня от уз и отпустить восояси вольным человеком, искупившим свое преступление.

Эврисфей исторг едкий смешок.

– Ой нет. Это вряд ли, – проговорил он. – Нет-нет. За тобой все еще должок в два испытания.

– Ты сказал, десять задач, – и все десять задач я выполнил.

– Да, но второй-то подвиг, – сказал Эврисфей. – Твой племянник Иолай помог тебе одолеть гидру. Если б не прижигал он рану после того, как ты срубал голову, ты б ни за что не победил. Уговор был, что все испытания ты выдержишь в одиночку, без чужой помощи. Поэтому гидра не считается.

– Это возмутительно!

– Ц-ц, держи свой знаменитый пыл при себе, Геракл. Помнишь же, что случилось с Мегарой и твоими детишками.

Эврисфей упивался. Геракл посрамленно умолк, царь облизнулся.

– А еще эти конюшни в Элиде. Ты запросил награду от Авгия, верно?

– Ну да, но...

– Это означает, что ты не долг свой исполнял покаянный предо мной, а нанялся в услужение. Это никак не считается.

– Он не заплатил мне!

– Это к делу не относится. Требуя награду, ты нарушил условия нашего уговора. Твои десять подвигов превращаются в двенадцать.

Конечно же, это все Гера – ее жрицы нашептали такие подробности Эврисфею.

Геракл повесил голову. Он знал, что сорвись он сейчас, разбушуйся или уйди на все четыре стороны обиженным, и все старания и муки последних десяти лет окажутся впустую. Бессмертие, обещанное ему оракулом в Дельфах, достанется ему, только если он очистится от вины, а очищение Гераклу в силах даровать лишь трусливый сородич Эврисфей, этот ухмыляющийся деспот, это жестокое орудие Геры. Бессмертие как таковое ему без надобности, но бессмертному ему удалось бы спуститься в загробный мир и забрать оттуда Мегару с детьми.

– С учетом жалкого поголовья стада, которое тебе удалось сегодня пригнать, скажи спасибо, что я не добавил тебе *три* подвига, – промолвил Эврисфей. – Вообще-то надо было бы, но тебе повезло – я трискайдекафоб. Поэтому, если нытье твои и жалобы исчерпаны, я оглашу тебе твою одиннадцатую задачу. Принеси мне золотые яблоки Гесперид.

11. Золотые яблоки гесперид

Геспериды, три нимфы вечера, – прелестные дочери богини ночи НИКТЫ и бога тьмы ЭРЕБА, они первыми возникли из бесформенного Хаоса. Известно, что Геспериды ухаживали за садом, где росла яблоня, а на ней – золотые яблоки, наделявшие бессмертием любого, кому повезло съесть хоть одно. Сама Гейя, богиня Земли и мать всего на свете, поднесла несколько тех яблок Зевсу с Герой на их свадебном пиру, и Гера усадила еще одно мерзкое дитя Тифона и Ехидны, стоглавого дракона ЛАДОНА, стеречь дерево.

Непреодолимую преграду для Геракла являл не дракон, обвивший собой дерево, – подобные трудности существенными для героя не были, – а то, что никто никакого понятия не имел,

где сад Гесперид находится. Кто-то говорил, что где-то далеко к северу от Средиземноморья, в ледяном царстве гипербореев, другие же считали, что сад расположен к западу от Ливии.

В Северной Европе Геракл нашел нимф реки Эридан⁷². Они посоветовали ему просить наставлений у НЕРЕЯ, одного из Морских старцев⁷³. «Если тебе удастся его удержать, он расскажет тебе все, что знает», – в один голос молвили нимфы.

Как и большинство водяных божеств, Нерей умел произвольно менять свой облик. Знания его не имели пределов, и, как и все, кто наделен даром провидения, Нерей всегда говорил правду... Но редко всю правду, а еще реже – отчетливую, немудрящую правду без прикрас.

Сколько Геракл гонялся за Нереем, мне не известно, однако все же нашел его на каком-то далеком берегу – Нерей спал, свернувшись калачиком на песке. Когда Геракл опустил ладонь на плечо Нерей, тот мгновенно превратился в жирного моржа. Геракл крепко обнял его. Нерей тут же сделался выдрой. Геракл пал на песок, но ухитрился схватить зверька. В руках Геракла, быстро сменяя друг дружку, побывали мечехвост, ламантин, морской огурец и тунец. Но какой бы облик ни принимал Нерей, Геракл держался за него мертвой хваткой и ни за что не отпускал. Наконец Нерей сдался и превратился в бородатого старого рыбака – вероятно, это самое близкое к его истинному облику.

– Тебе предстоит кружить по морю-матери, – проговорил Нерей, – пока не найдешь того, кто выкликает твое имя с высоты. Поможешь тому, тот поможет тебе.

И ни слова больше не выжал Геракл из Нерей, а потому ослабил хватку и проводил старика взглядом – тот взмыл в небеса парящей чайкой.

Начав с африканского побережья, Геракл странствовал по кромке известного людям мира, искал подсказки. Верный себе, Геракл попутно устранил немало докучливых гадом. Где-то между современными Марокко и Ливией⁷⁴ он наткнулся на полугиганта АНТЕЯ, сына Геи и Посейдона, чьей главной потехой в жизни было вызывать встречных-поперечных на рукопашный бой. Проиграл поединок – умрешь, и Антей возвел храм, посвященный отцу, полностью из черепов и костей своих бесчисленных жертв. До Геракла доходили вести, что его отдаленный родственник Тесей победил царя КЕРКИОНА, применив новый вид борьбы под названием панкратион – сочетание традиционных захватов, ударов, пинков и бросков с финтами, уходами от ударов и использованием веса и силы противника против него самого. Геракл привык к тому, что единственное потребное ему оружие в безоружном бою – просто мускулатура, но он все же научился Тесееву искусству и теперь понимал, что неуклюжий хам, подобный Антею, угрозы никакой не представляет, сколь бы умелым борцом ни был. Геракл явился к храму из костей и вызвал Антея на поединок.

– Хо! – возопил Антей, взревев от восторга. – Так, значит, я буду тем великим, кто останется в истории как чемпион, поборовший и убивший народного героя Геракла? Так тому и быть!

Согласно обычаю, оба разделись донага и встали друг к другу лицом, роя пятками землю, словно быки, готовые ринуться в бой. Первым двинулся вперед Геракл, заблокировал Антея, применив к нему удушающий захват, а затем метнул его через бедро и шмякнул оземь с такой силой, что земля вздрогнула. Сила того броска убила или уж точно обездвигила многих противников, с какими Гераклу доводилось драться. Но, к изумлению героя, Антей вскочил и бросился на него как ни в чем не бывало. Странное дело.

⁷² Возможно, это Рейн, а может – Дунай. Кое-кто даже считает, что эта река протекала по легендарным Касситеридам, «Оловянным островам», а это, вероятно, острова Британии... Если Геракл действительно добирался до Британии, то, скорее всего, в Корнуолле он изобрел перетягивание каната.

⁷³ Это звание носил и Протей, еще одно второстепенное морское божество; как и Нерей, он владел даром пророчества и умел менять облик. От его имени происходит слово «протейский». Известнее всего Нерей как родитель, наверное: с женой, океанидой ДОРИДОЙ, они наплодили множество приветливых морских нимф – нереид.

⁷⁴ В Тунисе и Алжире, надо полагать.

И тут Гераклу открылась истина. Антей был сыном Геи. Всякий раз, падая на грунт, он набирался сил от матери своей Земли.

Геракл понял, что надо делать. Крякнув от натуги, заключил он Антея в медвежьи объятия и, чуть присев для финального жима, оторвал противника от земли. Держа его над головой, Геракл почувствовал, как силы начинают покидать Антея. Напрягшись еще разок, Геракл сломал ему хребет и швырнул мертвого наземь. Прикосновение Геи уже не могло вернуть сына к жизни. Могучий череп Антея, как вскоре выяснил Геракл, замечательно украсил фронтон Посейдонова храма.

Продолжив свое странствие на восток, Геракл повстречал БУСИРИСА, одного из пятидесяти сыновей Египта⁷⁵. Грекам были противны человеческие жертвоприношения, какие совершали жрецы ОЗИРИСА, от чьего имени происходило и имя Бусириса. Чтобы пресечь этот гнусный обычай, Геракл дал пленить себя и заковать как очередную священную жертву. Когда над его грудью занесли нож, он вырвался из кандалов, убил Бусириса, а заодно и всех жрецов его ордена. Геракл переименовал город Бусирис в Фивы – в честь своей малой родины, и как раз поэтому с тех пор географы и историки вечно вынуждены различать Фивы греческие и Фивы египетские⁷⁶.

Пусть и отвлекался он на такие вот незначительные приключения, главной своей цели – отыскать сад Гесперид – Геракл из виду не упускал.

Послушно следуя совету Морского старца «кружить по морю-матери» (что Геракл правильно счел Средиземным морем⁷⁷), наш герой прибыл наконец к землям между Черным и Каспийским морями. Как раз там, когда достиг он Кавказских гор, в согласии с пророчеством Нерея, услышал Геракл голос свыше.

– Добро пожаловать, Геракл. Я тебя ждал.

Геракл вскинул взгляд и прикрыл ладонью глаза от солнца. К скале был кто-то прикован.

– Прометей?

Кто ж еще? Зевс приковал титана к скальной стене громадной горы и ежедневно насылал орла⁷⁸, чтобы тот раздирал и жрал печень Прометея. Поскольку Прометей был бессмертным, его печень за ночь исцелялась, и наутро попытка возобновлялась. Бесчисленные поколения людей рождались, пали и рождались вновь, а их создатель и заступник вынужден был все это время претерпевать муки.

Геракл, конечно же, знал, кто прикован к скале. Все знали. Но лишь Геракл посмел вскинуть лук и пристрелить Зевсова орла отмщения, что летел к ним от солнца.

– Не стану делать вид, будто мне его жаль, – проговорил Прометей, наблюдая, как орел падает и разбивается. – Он лишь выполнял приказ Отца-неба, но, должен признать, я постепенно возненавидел эту птицу.

Сокрушить оковы Прометея – для Геракла пустяковое дело, достаточно одного удара дубиной.

– Спасибо, Геракл, – сказал титан, потирая голени. – Ты не представляешь себе, как я ждал этого мига.

– Не уверен, будет ли столь же благодарен мой отец.

– Зевс? Это ты зря. Ты же орудие его воли в мире людей. Я слышан о твоих подвигах. Голоса птиц уведомляли меня о том, что происходит на белом свете, а в грезах навещали меня видения. Я знаю, что и ты, и твой дальний брат Тесей освобождают мир от мерзейших тварей,

⁷⁵ Египт, как вы помните, был правнуком Посейдона и Ливии, а также дядей Андромеды. Геракл как потомок Персея и Андромеды приходился Бусирису дальним родственником.

⁷⁶ Развалины египетских Фив расположены на территории современных Луксора и Карнака.

⁷⁷ Греки обычно называют Средиземное море просто Морем, а иногда Великим или Нашим морем.

⁷⁸ Или стервятника. См. «Миф», с. 203.

от драконов, змей и многоголовых чудищ. Трудами таких героев, как ты, боги очищают мир от существ древнего порядка.

– Зачем это Зевсу?

– Он, как и все мы, подчиняется законам Ананки⁷⁹. Знает, что сделать мир безопасным для процветания человечества – необходимость. Наступит день, когда даже безвредные существа исчезнут с глаз смертных – нимфы, фавны и духи лесов, вод, гор и морей, о них будут ходить слухи, не более. Да, то же станет и с нами, титанами. Даже боги на высоком Олимпе поблекнут в памяти людской. Да, я вижу это, но в далеком будущем. А пока что много чего предстоит свершить. Вскоре тебя призовут спасти Зевса и остальных богов от великой неотвратимой угрозы – угрозы великанов, что прямо сейчас готовятся восстать и покорить Олимп. Для этого ты и был рожден.

Геракл нахмурился:

– Ты хочешь сказать, что я всего лишь инструмент божественной воли? Своего слова не имею?

– Удел, Рок, Необходимость, Судьба. Все это настоящее. Но также и ум твой, воля и дух, Геракл. Можешь отвернуться от всего этого. Найти прелестную спутницу, провести с ней остаток дней своих в мире, заботясь о скоте, растя детей и живя в спокойном созерцании, любви и безопасности. Выкинь из головы Зевсовы планы насчет тебя. Забудь о Гере и Эврисфее. Плюнь на их жестокое использование твоего раскаяния. Ты заплатил сполна. Давай же. Иди. Ты свободен.

– Мне бы... Мне бы такая жизнь была по душе. Ох, как бы я... – проговорил Геракл. – И все же понимаю, что не для этого возник я на земле. И дело не в твоих словах и не в словах оракула, а в том, что я так *чувствую*. Знаю, на что способен. Отрицать это равносильно предательству. Я бы ненавидел себя до конца своих дней.

– Видишь? – сказал Прометей. – Это твоя судьба – быть Гераклом-героем, обремененным подвигами, – но и твой *выбор*. Ты выбираешь подчиниться этому. Таков парадокс бытия. Мы с готовностью принимаем, что воли у нас нет.

Все это было для Геракла чуточку глубоковато. Он смотрел, но не видел. Его, как и всех нас, разговоры о свободе воли и судьбе ставили в тупик и озадачивали.

– Да, ну неважно, у меня дело есть.

– Ах да. Одиннадцатое испытание из назначенных родственником. Золотые яблоки. Снять их с дерева тебе не удастся – никому из смертных это не дано. Там держит небо мой брат Атлант. Так его наказали за участие в войне титанов против олимпийцев⁸⁰. Тебе надо уговорить Атланта помочь тебе. Сад Гесперид расположен на дальнем западе. Впереди у тебя долгий путь, уйма времени, чтобы составить план действий. А пока... – Титан встал и размял ноги. – Думаю, пора мне отыскать Зевса. Склонюсь перед ним и попрошу прощения. Уверен, гнев на меня у него уже смягчился. Может, он даже поймет, что я ему пригожусь.

– Но ты же видишь будущее – ты *знаешь*, что будет дальше.

– Я думаю заблаговременно. Размышляю и воображаю. Это не совсем то же самое. В добрый путь, Геракл, прими мои благословения.

Геракл пустился в путь к Гесперидам, а Прометей тем временем направил свои стопы к Олимпу и к трону Зевса.

– Напомни-ка, – проговорил Зевс. – Протемей? Промедид? Про-что-то-там, совершенно точно.

⁷⁹ Ананка – греческое воплощение Необходимости. Как и законы Мора (Рока) и Дике (Справедливости), законы Ананки сильнее воли богов. Называть их воплощениями, возможно, некоторая натяжка. О них можно говорить так, будто они божества, однако на самом деле с ними обращались как с неотъемлемыми составляющими судьбы.

⁸⁰ См. «Миф».

– Обхохочешься, – сказал Прометей. – Очень, очень смешно.
– Твое предательство ежедневно надрывало мне сердце. Печень отрастает быстрее. Я никогда ни одного друга так не любил, как тебя.
– Я знаю – и очень сожалею. Необходимость – лютая...
– Ага. Прячься теперь за Необходимостью.
– Не прячусь я ни за чем, Зевс. Стою перед твоим тронem и предлагаю свои услуги.
– Услуги? Виночерпий у меня уже есть.
Афина все это время слушала их, а тут выступила из-за скалы.
– Ну же, отец. Давай с этим покончим. Обними его.
Воцарилось молчание. Вздыхнув, Зевс встал.
Они с Прометеем приблизились друг к другу. Прометей распахнул объятия.
– Ты похудел, – заметил Зевс.
– Интересно, как так вышло. А в бороде у тебя проседь, что ли?
– Управленческие заботы.
– Ох, да ради всего небесного, – встряла Афина, – давайте уже.
– Афина, как всегда, мудра, – сказал Прометей, когда они с Зевсом выпростались из невыносимо неловких, невыносимо мужских объятий. – Никогда прежде оборот «ради всего небесного» не был столь уместен. Гиганты идут. Ты в курсе?
Зевс кивнул.

Как утверждают некоторые, Черное и Средиземное моря Геракл вновь пересек в Чаше Гелиоса. Какой бы способ ни избрал он, до сада Гесперид наш герой наконец добрался.

Заглянув за стену, он увидел дерево, увешанное сверкающими золотыми яблоками. Вокруг ствола обвился исполинский дракон Ладон. При виде смертного, подсматривающего над кромкой стены, зверь поднял голову и зашипел.

Геракл выпустил стрелу, дракон заревел от боли, и кольца его тела вокруг ствола постепенно обмякли. Еще одно дитя Ехидны и Тифона сгнуло.

Геракл перелез через стену и направился к деревьям. Как и предупреждал Прометей, смертному тех яблок не сорвать. И дело не в недостатке силы – стоило Гераклу потянуться к плоду, он исчезал.

Через час безуспешных попыток Геракл ушел из сада искать Атланта.

– Попытка оказалась бесплодной, – подытожил Геракл с редким для себя замахом на остроумие.

Атланта он нашел в жаркий полдень – сгорбленного, придавленного, изможденного.

– Иди прочь, почтенный. Иди прочь. Терпеть не могу, когда на меня пялятся.

На эдакую громадину под тяжким гнетом посмотреть, конечно, стоило. Его изображения вы могли видеть на первых картах мира, в его честь их называли атласами. Да и воды к западу от него тоже до сих пор именуются Атлантическим океаном.

– Прощения прошу, – сказал Геракл. – Принес приветы от брата твоего Прометея.

– Ха! – крикнул Атлант. – От дурака этого. Выучил горький урок, что дружить с Зевсом даже опаснее, чем враждовать с ним.

– Он сказал, что ты мог бы помочь мне добыть золотые яблоки из сада Гесперид.

– Сам добывай – поглядим, что у тебя получится.

– Там был дракон, но я его убил.

– Ух, ну и ловок же ты. А чего ж яблок не набрал заодно?

– Когда б ни потянулся я за ними, они исчезают.

– Ха! Это все Геспериды. Их видно только по вечерам. Они мои подруги. Приходят поболтать. Обмывают мне лоб, когда по вечерам жарко. С чего же помогать тебе воровать у них? А ты мне что взамен?

Геракл объяснил суть своего похода.

– Понимаешь, если не вернусь в Тиринф с этими яблоками к моему родственнику Эврисфею, не отмыться мне вовек от своего ужасного преступления. Поэтому твоя помощь – громаднейшая ценность. Но и я могу кое-что для тебя сделать. Не одно поколение сменилось, пока ты стонал под грузом небес. Я бы освободил тебя от этого бремени, пока ты ходишь за яблоками. Я получу то, что мне надо, а ты – блаженную передышку: небеса какое-то время не будут давить на тебя.

– Ты? Удержишь небеса? Да ты же *смертный*. Мускулистый, спору нет, – добавил он, оглядывая Геракла с головы до пят.

– О, сил мне хватит, я уверен.

Атлант поразмыслил.

– Ну хорошо. Если считаешь, что удержишь небеса и они тебя не раздавят, вставай рядом, давай попробуем.

За свою жизнь Геракл совершил множество подвигов сверхчеловеческой силы, но с этим ничто и близко не стояло. Когда Атлант передал небо на плечи Гераклу, у того подкосились ноги и он едва удержал равновесие.

– Ради всего небесного, дядя, ты калекой остаться хочешь? На ноги вес принимай, а не на спину. Ты про поднятие тяжестей вообще ничего не знаешь, что ли?

Геракл сделал, как велено, – перенес невероятное напряжение на бедра.

– Все путем, – просипел он. – Все путем!

– Неплохо, – сказал Атлант. Выпрямился, выгнул спину. – И думать не смел, что еще хоть раз постою во весь рост. Тебе все яблоки?

– «Принеси мне... яблоки... Гесперид...» – вот что мне... приказали... – проговорил Геракл. – Да... видимо... все...

– А дракон сдох?

– Дохлее некуда.

– Ага. Отлично. Одна нога здесь, другая там.

Атлант удалился, Геракл сосредоточился на дыхании. Что бы ни случилось, говорил он себе, я смогу рассказывать детям, как однажды держал небо на плечах. Когда он думал о детях, на уме у него были не бесчисленные сыновья и дочери, которых он зачал по всему свету за долгие годы, а лишь те двое, кого он убил под чарами Геры. Небо на плечах, размышлял Геракл, ничто по сравнению с бременем крови собственных детей на руках.

Что-то Атлант не торопится.

Низко над головой Геракла пролетел Гелиос и исчез в багрянце своего западного дворца.

Наконец Атлант объявился с корзиной, доверху набитой золотыми яблоками.

– Спасибо тебе, Атлант! Спасибо большое. Доброе дело ты сделал.

– Не за что, – ответил Атлант, и в глазах мелькнуло лукавство. – Помощь – в радость. Более того, я тебе еще больше помогу – отнесу в Тиринф эти яблоки и отдам их твоему родственнику Эврисфею вместо тебя. Вообще никаких хлопот...

Наш герой отчетливо понял, что у титана на уме. Но Геракл, как мы уже успели заметить, пусть и не самый изощренный человек на свете, дураком все же не был. В поступках своих он предпочитал прямоту и незатейливость, однако за годы накрепко усвоил, что притворство и хитрость иногда оказываются оружием помощнее честной силы и простой отваги.

– Правда? – переспросил он с великим воодушевлением. – Чудеснейше мило с твоей стороны было б. Но ты же вернешься?

– Конечно-конечно, – заверил его Атлант. – Отнесу яблоки Эврисфею и сразу назад – даже и ночки одной во дворце не задержусь. Идет?

– Вот уж не знаю, как тебя и благодарить-то! Но пока ты не ушел – мне нужно подложить что-нибудь на шею... Может, примешь вес еще разок, а я сложу плащ и закину себе на плечи?

– Да и впрямь же натереть плечи может, верно? – согласился Атлант, бодро освобождая Геракла от бремени. – Даже у моих мозолей мозоли возникли... погоди! Ты куда? Вернись! Предатель! Жулик! Врун! Я тебя порешу! Порву в клочки тебя! Я... я...

Прошла целая ночь, а за нею день, и лишь тогда перестали долетать до Геракла рев, вой и проклятья титана. Много лет спустя, когда дни богов подошли к концу, Зевс смиростивился и превратил Атланта в горы, что носят его имя и поныне. До сих пор подпирают они марокканское небо.

Эврисфей знал, что яблоки ему оставить себе не дадут. Жрицы Геры и Афины настояли на их возвращении. Все плоды оставили на ночь в храме Афины, и наутро их уже не было. Афина лично вернула их в сад Гесперид.

Но желанные людям золотые яблоки из истории человечества не исчезли.

Тем временем на устах Эврисфея возникла неприятная улыбка: он задумался, какую двенадцатую – последнюю – задачу поставить. Двенадцатую и *очень* последнюю.

– Доставь мне... дай подумать... да. Доставь мне...

Эврисфей наслаждался напряженной тишиной, воцарившейся среди придворных, и все тянул и тянул драматическую паузу.

– Доставь мне... – повторил он, разглядывая свои ногти, – доставь мне Кербера.

Придворные охнули громче любых его ожиданий.

Но, будьте покойны, Геракл испортил этот праздник.

– О, Кербера? – спросил он, и если б добавил: «И все?», еще пуще размочить драму грандиозного объявления Эврисфея ему бы вряд ли удалось. – Ладно. Своим ходом или на поводке?

– Сгодится в любом виде! – рявкнул Эврисфей. А затем, сухо кивнув, добавил: – Прочь с глаз моих.

12. Кербер

По правде говоря, беззаботность Геракла была напускной. Геракл слышал, чего от него хочет Эврисфей, и сердце у него екнуло и заколотилось о ребра, как хорек в клетке. Кербер, адская гончая, – еще одна гротескная гадость, порожденная союзом Тифона и Ехидны. Геракл уже убил сестру Кербера гидру и братьев Орфа и Ладона. Возможно, Кербер об этом не знал. Быть может, эти чудища к своим родственникам никакого обожания не питали. Геракл не сомневался, что усмирить дикого трехглавого пса ему по силам, но вот вытащить его из царства Аида – совсем другое дело. Царь мертвых возведет перед Гераклом непреодолимые преграды.

Пока Геракл брел прочь от Эврисфеева дворца, в голове у героя складывался план. Чтобы в целости и сохранности убраться из загробного мира вместе с Кербером, Аида нужно будет умаслить. Кратчайший путь к тому, что можно было бы счесть у Аида сердцем, – через его жену ПЕРСЕФОНУ. По шесть месяцев в году она царствовала в загробном мире вместе с ним. В посюстороннем мире ее мать Деметра, богиня плодородия, оплакивала утрату возлюбленной дочери, и все растительное и животное, за что отвечала Деметра и чем одаривала мир, постепенно усыхало до осенней гибели и бесплодного холода зимы. Затем, проведя полгода под землей, Персефона восходила из мира мертвых, и повсюду расцветала весна, а следом наступало изобильное, плодородное, урожайное лето, пока Персефоне не приходила пора возвращаться в подземный мир, и круг замыкался.

Со временем греки научились праздновать этот годичный ритм смерти и обновления ритуалом Элевсинских таинств, церемониальным спектаклем о похищении Персефоны Аидом и ее нисхождении в его царство, об отчаянных поисках дочери, предпринятых Деметрой, и о ее возвращении в верхний мир. Геракл подумал, что, если он пройдет инициацию в Элевсинских

тайнствах, это расположит к нему Царицу загробного мира, а через нее, быть может, удастся добиться позволения Аида вывести его любимую зверушку на свет дня.

Жрецы, жрицы и иерофанты Элевсина во главе с Эвмолпом, основателем этого празднования, удовлетворили просьбу Геракла и посвятили его в тайнства культа цветения, смерти и обновления⁸¹.

Затем Геракл подался к мысу Тенарон на Пелопоннесе – на самую южную точку всей Греции⁸², там находилась пещера со входом в подземный мир. У той пещеры его ждал верховный психопомп, главный проводник умерших душ – сам Гермес; он предложил составить Гераклу компанию. Никто не знал путей среди гротов, проходов, галерей и залов Аида лучше Гермеса.

Как раз по дороге к тронному залу Аида и Персефоны Геракл наткнулся на своего дальнего брата Тесея, прикованного к трону забвения рядом с другом ПИРИФОЕМ. В отличие от прочих призрачных теней, что витали вокруг, эти двое ни духами, ни бесплотными призраками не были – оставались живыми людьми. Лишенные дара речи заклатьем Персефоны, накрепко окольцованные двумя громадными змеями, Тесей и Пирифой тянули руки в безмолвной мольбе. Геракл освободил Тесея, и тот подался к свету дня, лепеча слова благодарности, но когда Геракл взялся освобождать Пирифоя, земля под ним содрогнулась. Преступление Пирифоя, как ни крути, – попытка похитить саму Персефону, а это для прощения уже чересчур⁸³.

Пробираясь вглубь царства Аида, Геракл заметил тень Медузы. В омерзении от ее чудовищного вида, от змей у нее на голове, он потянул из ножен меч. Гермес остановил его руку.

– Она лишь тень, призрак и никакого вреда теперь никому причинить не может.

Дальше увидел Геракл тень своего старинного друга МЕЛЕАГРА, царевича, возглавлявшего Калидонскую охоту. Геракл был из тех немногих героев, кто в том эпохальном приключении не участвовал, а потому Мелеагр поделился с ним историей – как все завершилось его печальной и мучительной кончиной. Как мать Мелеагра, обезумев от ярости из-за его поступков, бросила в огонь полено, которое, догорев, означало смерть ее сына⁸⁴.

– Но твои-то героические подвиги прогремели даже в этих скорбных пещерах, – сказал Мелеагр. – Приятно сердцу моему знать, что в мире живых есть такой человек, как ты. Будь я жив, позвал бы тебя соединить наши рода.

– Отчего ж нет? – отозвался очень растроганный Геракл. – У тебя есть сестра или дочь, на ком я мог бы жениться?

– Моя сестра ДЕЯНИРА – настоящая красавица.

– Тогда, как только сброшу с себя ярмо этих подвигов, возьму ее в жены, – пообещал Геракл. Мелеагр улыбнулся призрачно и благодарно и полетел дальше.

Наконец Гермес открыл ворота в тронный зал и объявил царю с царицей подземного мира, что у них посетитель.

Персефона, польщенная пылкой приверженностью Геракла Элевсинским тайнствам, сердечно приветствовала родственника. Ее муж Аид, впрочем, был настроен ворчливее.

– Зачем мне отдавать тебе моего пса?

Геракл развел руками:

– Эврисфей послал меня за ним, о могучий ПЛУТОН⁸⁵.

⁸¹ По другой версии этой истории, Геракл отправился на церемонию в Аттику и ему нужно было стать гражданином Афин, чтобы его допустили до ритуала. Возможно, просто жителям Афин захотелось считать своим величайшего героя на свете – более прославленного, чем даже их любимый Тесей.

⁸² В наши дни этот мыс, возможно, более известен под названием Матапан.

⁸³ О бесславных похождениях Пирифоя с Тесеем – далее.

⁸⁴ О злополучной судьбе Мелеагра мы узнаем, когда доберемся до истории Аталанты.

⁸⁵ В большинстве изложений двенадцати подвигов встречается именно это более позднее имя Аида. Божество Плутон слилось с римским ПЛУТО, богом богатства. Драгоценные металлы и драгоценный урожай происходят из земли, и потому такое слияние было естественным.

- Ты его обратно приведешь?
- Как только освободят меня от рабства, так и сделаю. Торжественно клянусь.
- Не нравится мне все это. Нисколько не нравится.
- Конечно – и это понятно, – отозвался Геракл. – Гера относится к этому так же.
- Что? – резко переспросил Аид.
- Именно Гера поставила мне эти задачи. Она хочет, чтобы я не управился.
- Ты хочешь сказать, что если я одолжу тебе собаку, то Гера расстроится?
- Расстроится? Да она взбесится, – ответил Геракл.
- Забирай, он твой.
- Правда?
- Если обещаешь вернуть. Но тебе, конечно, придется его приручить. Оружие применять нельзя. Не здесь. Ни меч, ни дубину, ни эти твои знаменитые ядовитые стрелы. Понял?
- Геракл согласно поклонился.
- Гермес заберет у тебя оружие, проводит и удостоверится, что ты играешь по-честному. Ступай.
- На пути вон Гермес толкнул Геракла локтем.
- А болтают, ты идиот. Откуда ты знал, что уговорить Аида на что угодно можно, сказав, что это досадит Гере?
- Кто говорит, что я идиот?
- Да неважно, сдай оружие и иди за мной. «Гера взбесится!»... вот же расскажу Зевсу. Он будет в восторге.
- Бой с Кербером был чудо как хорош. Гермес хлопал в ладоши, как замороженное дитя, и возносился в воздух, трепеща крыльями на сандалиях, до того увлекательное это было зрелище: Геракл, замотанный в шкуру Немейского льва, тянется забрать в удушающий захват все три шеи люто разъяренного пса, при этом хвост-змея стоит торчком, плюется и бросается, пытаясь отыскать оголенный участок кожи и впиться в него бритвенными клыками.
- В конце концов нестигаемое упорство Геракла принесло плоды, и великая гончая, утомившись, пала. Геракл, как и многие античные герои, понимал и любил собак и, присев на корточки рядом с Кербером, зашептал ему на ухо:
- Ты пойдешь со мной, Кербер. Не осталось больше детей Ехидны и Тифона, не считая тебя, ибо у тебя есть предназначение и роль в великом таинстве смерти. Но сейчас мне нужна твоя помощь в верхнем мире.
- Кербер вывалил свои языки и провел лапой Гераклу по руке.
- Готов пойти, значит? Ты устал. Я тебя понесу.
- Веселье Гермеса переросло в оторопелый восторг, когда Геракл поднял Кербера и уложил к себе на плечи.
- Он шерстяной шарф намотал бы с тем же усилием, – проговорил Гермес в воздух.
- Когда Геракл вошел в тронный зал с трусившим рядом Кербером, Эврисфею пришлось еще разок сигануть в каменный пифос.
- Уведи его обратно, уведи его обратно! – послышался из кувшина отзвук его перепуганного голоса.
- Правда? – переспросил Геракл. – Даже поздороваться не хочешь? Посмотреть, какие он умеет штуки показывать?
- Убирайся!
- Я свободен? Достаточно ли я сделал?
- Да.
- Громче, пусть весь двор тебя слышит.
- ДА, будь ты неладен. Свободен. Ты совершил все, что было велено. Освобождаю тебя.

Пнув кувшин так, что у Эврисфея потом неделю, наверное, в ушах гудело, Геракл забрал Кербера и ушел. У врат загробного мира они простились⁸⁶.

– Бывай, жуткая ты тварь, – любовно проговорил Геракл. – Одним лишь богам известно, что мне дальше делать.

– Нет, не известно, – сказал Гермес, выступая из тени с Геракловым оружием в руках. – Это тебе решать. Нашему отцу Зевсу известно лишь, что ты совершишь еще много великого – может, даже спасешь Олимп.

⁸⁶ Говорят, там, куда напускал слюней Кербер, вырос аконит – смертельно ядовитое растение, которое иногда еще называют царь-зельем. [По-русски у аконита множество народных названий – борец, волчий корень, волкобой, козья смерть, шлемник, прострел-трава и другие. – Примеч. перев.]

После подвигов: преступления и обиды

Первым делом, освободившись из Эврисфеева рабства, Геракл отправился искать себе жену⁸⁷. Добрались до него слухи, что царь Эврит из Эхалии устраивает состязание среди лучников, а победителю достанется в жены его красавица дочь ИОЛА. Гераклу все это понравилось необычайно. Эврит – тот самый, кто учил Геракла натягивать тетиву и стрелять, когда тот был еще мальчишкой, и тесть из него получится великолепный.

Геракл включился в состязание (в кои-то веки не применяя стрел с отравленными наконечниками) и играючи добился лучших результатов. Эврит, заметив это, вычеркнул Геракла из участников.

– За что? – Геракл повесил голову. – Я думал, ты гордиться будешь своим учеником и в зятя меня возьмешь.

– После того, что ты сделал с Мегарой и вашими детьми? – воскликнул Эврит. – Моя возлюбленная дочь Иола замужем за душегубом? Детоубийцей? Ни за что.

Сын Эврита ИФИТ восхищался Гераклом и попросил отца за него, но царь остался непреклонен. Геракл в ярости удалился, пригрозив лютой мстью. Возможно, забрал часть скотины, выделенной Эвритом в наградной фонд, – а может, и нет. Но двенадцать голов скота примерно в ту пору все-таки пропало. Ифит отправился в Тиринф побыть с Гераклом и уговорить его вернуть скотину, однако в мороке очередного своего ужасного припадка Геракл сбросил юношу с городской стены и тем угробил⁸⁸.

Боги наказали это преступление против *ксении*, или «дружелюбия к гостям», наслав на Геракла болезнь⁸⁹. И, вновь ища очищения и искупления, Геракл пришел к царю НЕЛЕЮ Пилосскому и попросил совершить положенные обряды, как полноправным царям позволялось⁹⁰. Но Нелей был старым другом Эврита. Ифит ему был как второй сын, а потому он, не раздумывая, отказал Гераклу в очищении от этого убийства. Наш герой покинул Пилос, поклявшись отомстить и Нелею.

Вот так возникли у Геракла две новые обиды. Это вдобавок к старой набыченности (буквально) на Авгия, отказавшегося заплатить скотиной за уборку в его загаженных конюшнях; не забыл Геракл и того, как Лаомедонт Тройский не пожелал раскошелиться, когда Геракл спас его дочь Гесиону от морского чудовища, насланного Посейдоном.

– Эврит, Нелей, Авгий и Лаомедонт, – бормотал герой себе под нос на пути в Дельфы. – Они поплатятся.

Склонил колени перед оракулом.

– Мне надо очиститься. Скажи, как мне поступать.

– Ты нечист, – проговорила жрица по имени КСЕНОКЛЕЯ⁹¹. – Ты убил гостя. Ничего мы тебе не скажем, пока не очистишься.

– Я поэтому и пришел к тебе. Чтобы ты мне рассказала, как очиститься.

Ни слова больше не вымолвила Ксеноклея.

Тут Геракл вновь растерял самообладание и выхватил из рук жрицы священную треногу.

– Будь ты проклята! – заорал он. – Я свой собственный оракул устрою.

⁸⁷ Он вроде как забыл о своем замысле вернуть к жизни свою первую жену, а также отыскать сестру Мелеагра Деяниру – свою невесту.

⁸⁸ Размышления об этом – в «Неистовствах Геракла» в Послесловии к этой книге.

⁸⁹ Мы не знаем, кто именно из богов. Для Геры вроде бы слишком прямолинейно, поэтому, вероятно, это был Зевс, для которого ксения священна.

⁹⁰ Нелей был братом царя Пелия Иолкского и, соответственно, отцом Алкестида.

⁹¹ Особенно уместное имя, если учесть преступление Геракла против *ксении*, или дружелюбия к гостям. «Ксеноклея» означает «прославление странника или гостя».

Дабы навести порядок в храме, с Олимпа явился сам Аполлон. Но вскоре Геракл уже рычал на бога и нарывался на драку. Осмелиться на такое мог только Геракл.

Зевс разнял их молнией. Братья нехотя пожали друг другу руки. Геракл вернул треногу Ксеноклею, а та по приказу Аполлона выдала Гераклу запрошенный совет.

– Очиститься от убийства Ифита можно, лишь отдавшись в рабство, – объявила она. – Три года предстоит тебе служить другому человеку безусловно. Все заработанное пойдет Эвриту воздаянием за утраченного сына.

Да кончится это вообще когда-нибудь? Двенадцать лет состоял он в услужении у Эврисфея, а теперь его обрекают еще на три? Кто-то, возможно, заметит, что Геракл сам навлек на себя эту участь, убив Мегару и детей и швырнув безобидного Ифита со стены. Правомочно скажут другие, в защиту Геракла, что он действовал под влиянием морока, насланного на него зловредной Герой. Найдутся и те, кто скажет, что Геракл родился с недугом, из-за которого был подвержен припадкам и галлюцинациям. Можно добавить, что раскаяние всегда подталкивало его к честному искуплению. Но как бы ни хотелось простить Геракла, нельзя отрицать, что, припадочный или нет, в мороке или не в мороке, каялся или нет, затаивать совершенно неутолимые обиды он был горазд. Эта новая кара лишь укрепила в нем мстительную решимость. Эврит, Нелей, Авгий и Лаомедонт заплатят сполна, все.

Но сперва Гераклу пришлось предать себя этому новому смирению. Ксеноклея устроила все так, что он оказался в собственности царицы ОМФАЛЫ Лидийской⁹², после смерти супруга, горного царя ТМОЛА⁹³, правившей в одиночку. Омфала, похоже, испытывала извращенное удовольствие, унижая своего нового раба. Но больше всего ей нравилось носить на себе шкуру Немейского льва и дубину – красоваться в фирменном облачении Геракла. Более того, у нее на службе она велела Гераклу ходить исключительно в женской одежде. Вопреки этому унижению (или – кто знает? – может, благодаря ему) Геракл влюбился в Омфалу, послушно одевался в женское и защищал Лидийское царство от всяких разбойников и чудовищ, что угрожали покою Лидии, и даже зачал с Омфалой сына⁹⁴.

Когда истекли три года, Омфала предложила все заработанное Гераклом Эвриту, как и велела Ксеноклея. Тот презрительно отверг подношение.

– Я потерял сына и двенадцать голов скота, а ты мне предлагаешь заработок за три года?

Геракл стал наконец волен заняться своими вендеттами. Он собрал войско и отплыл вершить месть над врагом, оказавшимся ближе всего, – над царем Лаомедонтом Тройским. С Гераклом в путь отправились его старые друзья и родственники ТЕЛАМОН и ПЕЛЕЙ, присутствовавшие при отказе Лаомедонта платить Гераклу по их уговору. Геракл и его войско разгромили город, убили царя и весь его двор, пощадив лишь Гесиону – ее отдали в жены Теламону⁹⁵.

⁹² Имя Омфалы можно соотнести с омфалом, что значит «пуп», а еще оно означает «застежка», что созвучно мотиву переодевания. А еще это слово означает «начальник» – более чем уместно; однако для греков, конечно, такого двойного значения у этого имени нет.

⁹³ Один из судей музыкального состязания Пана с Аполлоном, где Мидас выставил себя полным осликом. См. «Миф», с. 506.

⁹⁴ Согласно Геродоту, «отцу истории», жившему в V веке до н. э., потомки того сына (его называют то АГЕЛАЕМ, то ЛАМОМ) правили Лидией двадцать два поколения подряд. Самым знаменитым монархом этой династии стал царь КРЕЗ в VI веке, богатый, как... как он сам.

⁹⁵ Сами по себе знаменитые герои, Пелей и Теламон вместе с Гераклом подались за Золотым руном, и об этом еще пойдет речь. Но помнят их в первую очередь как отцов двух величайших героев Троянской войны: у Теламона родился сын АЯКС, а у Пелея – Ахилл. Сын Теламона и Гесионы – легендарный лучник ТЕВКР, сражавшийся в Трое вместе со своим единокровным братом Аяксом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.